

НИКОЛАЙ
РОМАНЕЦКИЙ

УЗНИКИ УГЛОГО ЧЕЛНА

У СТАРЫХ КУДЕСНИКОВ ДЛИННЫЕ РУКИ

Николай Михайлович Романецкий

Узники утлого челна

Серия «У мертвых кудесников длинные руки», книга 3

Аннотация

Раненный в схватке с варяжским лазутчиком, чародей Свет Сморода, с помощью своей служанки Забавы, понимая, что его будут искать, скрывается в столичном госпитале Ордена дочерей Додолы. Кудесник Остромир, глава Колдовской Дружины, и в самом деле организывает розыски своего врага. Против государственной машины не попрешь, и убежище опального чародея быстро обнаруживают. К тому же, болезнь высасывает из раненого колдовские возможности. Тем не менее при попытке ареста Свету удастся обмануть своих противников...

Через год чародей снова приезжает в Ключград. По его мнению, именно отсюда начинается дорога, которая может привести его к пониманию главной тайны окружающего мира, обеспечению собственной безопасности и окончательной победе над Остромиром...

Содержание

Часть первая. Бегство чародея	6
1. Век 76, лето 4, 11 день червня (11.06.96 A.D.)	6
2. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень	13
3. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень. Забава	21
4. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень. Наталья	30
5. Взгляд в былое. Ива	37
6. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Порей Ерга	45
7. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья	52
8. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Забава	57
9. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья	64
10. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Забава	70
11. Взгляд в былое. Ива	76
12. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья	88
13. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень	94

Николай Романецкий

Узники утлого челна

*Андрею Голове, сподвижнику автора
на завершение цикла о чародее Светозаре Смороде,
посвящается*

*Нас было двое в утлом челноке -
А он мог взять на борт лишь одного...
Вышеслав Вьюга, «Побег»*

Часть первая. Бегство чародея

1. Век 76, лето 4, 11 день червеня (11.06.96 A.D.)

Как всем ведомо, здания меняются много медленнее людей. Разве лишь капитальный ремонт пособит строению внешне переменить привычное лицо, и тогда покажется вам, будто на месте старого дома возвели новый. Иначе – пусть аж и спустя полвека – вас встретят прежние, давно знакомые стены и окна.

Вот и к особняку, перед которым стоял ныне Свет, за девять месяцев, минувших со времени последнего свидания, руки мастеров явно не прикасались, а потому домина ни капли не изменился – та же широкая беломраморная лестница, те же разноцветные петухи над теми же островерхими башенками. И двери те же.

Но открыл их человек незнакомый – высоченный молодой парень лет семнадцати, не более; с буйной светлой шевелюрой, в зеленой ливрее добротного аглицкого сукна. Глаза, цветом не отличимые от ливреи – будто у женщины в зеленоц, – внимательно ощупали Света. А ощупав, засияли улыбкой.

– Чего изволите?

– Здравы будьте, сударь! – Свет справился с гулко бьющимся сердцем и предъявил незнакомцу всю возможную приветливость. – Мне нужна княжна Снежана Нарышкина.

Сияющая улыбка тем не менее погасла – парень тут же вспомнил о профессиональных обязанностях.

– Не думаю, чтобы княжна сейчас кого-либо ждала...

– Я из фонда помощи инвалидам Чухонской войны, – быстро сказал Свет. – Мы очень надеемся на пожертвование. В честь предстоящей помолвки княжны...

Улыбка на лице слуги появилась вновь – профессиональные обязанности больше не конфликтовали с его симпатиями.

– Хорошо, я доложу. Подождите немножко, здесь вам будет удобно. – Слуга кивнул на стулья, расположившиеся вдоль стены сеней, и скрылся в недрах особняка.

«Нужны мне ваши симпатии, как собаке пятая нога, – подумал Свет и сел, подавив в себе желание положить ногу на ногу. – Не Остромировы ли это глаза, сей красавчик? Должен ведь быть соглядатай! Иначе Кудесник больше не Кудесник, а...»

– Кто там пришел, Некрас? – донесся хорошо знакомый голос.

Светово сердечко вновь заколотилось, аки вольная птица, супротив ее чаяний упрятанная в клетку.

– Это к княжне Снежане, сударыня.

Через пару секунд в сени выглянула сама княгиня Цветана, равнодушно окинула взглядом притулившегося на стуле Света.

Тот немедленно вскочил и поклонился:

– Я из фонда помощи инвалидам...

Но княгиня Нарышкина уже исчезла – в отличие от слуги, у нее Свет никакого интереса не вызвал.

Ждать пришлось недолго.

Вскоре в сенях вновь появился Некрас. Опять улыбнулся, словно рублем одарил:

– Княжна согласна принять вас. Прошу следовать за мной.

Свет шел знакомыми коридорами, поднимался по знакомым лестницам, и сердце его стучало все громче и громче. Стук был не менее знакомым, чем окружающая обстановка.

Интересно, в *ее* комнате все те же обои – цвета весенней травы?.. И живо ли желтое платье, одуванчик на лугу?.. Или будущая княгиня Кабанова постаралась уничтожить все, что могло бы напомнить ей о случившемся в прошлое лето?..

Обои оказались иными – ибо Некрас привел Света вовсе не в Снежанину комнату. Судя по мебелировке, это был кабинет: монументальный письменный стол из мореного дуба, покрытый темно-синим сукном, слева не менее монументальные ореховые шкафы с застекленными дверцами, справа, вдоль стены – ореховые же стулья с обивкой в черно-белую полосу, на стене промеж окон морской пейзаж в изящ-

ной раме красного дерева.

Кажись, кисти Надея Березняка, «Вечер на Чухонском заливе»...

И платье на княжне оказалось другое – строгое, закрытое, из серого файдешина. Но сама она была все той же, летошней. Вот только в руках держала вещь, с которой Свет ее ввек не видел, – развернутую газету.

«Не «Куранты» ли?» – подумал он, обмирая.

– Вы свободны, Некрас!

Слуга вышел.

Снежана свернула газету:

– Присаживайтесь.

Свет сел на ближайший стул.

– Я слушаю вас.

– Э-э... – У Света вдруг перехватило горло, и он, не удержавшись, закашлялся.

Княжна терпеливо ждала.

Нет, все-таки она тоже стала другой. В прошлом лете не было в ее прекрасных глазах, в самой их глубине, этой за-таенной безграничной печали, свойственной скорее побитой невзгодами женщине, пережившей, к примеру, смерть собственного ребенка.

Впрочем, разве утрата возлюбленного не сродни потере ребенка? Кто знает, что пережила эта девица за минувшие с их последней встречи месяцы!

– Так чего желает от меня ваш фонд? Сколь великая ему

требуется сумма? И, кстати, хотелось бы узнать о ваших полномочиях...

– Я не из фонда, сударыня, – решившись, быстро сказал Свет. – Я к вам от чародея Сморода.

Княжна приглушенно вскрикнула, и прозвучало в этом вскрике нечто такое, от чего сердце Света едва не выпрыгнуло наружу.

Зашуршала сминаемая в кулачке газетная бумага.

– Но ведь!.. Но ведь чародей Сморода... умер! – Княжна с трудом выговорила последнее слово.

«Значит, Сувор ничего ей не рассказал, – подумал Свет. – А скорее всего, и сам не ведает».

– Он жив, сударыня. Он жив и помнит вас.

– Жив?! Как жив?! – Снежана отбросила в сторону смятую газету, с хрустом стиснула персты. Вскочила из-за стола. Снова села. Глаза ее вдруг стали глубокими-преглубокими. – Простите, но с какой стати я должна вам верить? Кто вы?

«А вдруг получится? – подумал Свет. – Ведь заклятья со временем теряют силу...»

Свет нагнулся, поднял с пола смятую газету, расправил. Это были не «Куранты».

Он положил газету на стол:

– Мы немного знакомы с чародеем. Так уж сложилось. – Он нашел в себе силы улыбнуться. – Чародей предполагал, что вы мне не поверите, и просил передать... Он помнит о гостевом доме «Обитель странников», номер тридцать

шесть.

Вновь хрустнули Снежанины персты. Ланиты заалели румянцем. Но глаза глубины не потеряли.

– А вы кто ему будете?

– Мы знакомы с чародеем, – повторил Свет. – Он просил, чтобы вы помогли мне... Чтобы взяли на работу. У меня в этом городе никого нет.

Снежана по-прежнему оставалась княжной Нарышкиной. Поэтому она быстро справилась с собой. Схлынул румянец, разжались персты, на чело набежала тень, взгляд карих глаз умчался в пространство. Княжна раздумывала.

Свет ждал, затаив дыхание и снова борясь с желанием положить ногу на ногу.

Наконец Снежана приняла решение.

– Какую работу вы можете выполнять по дому?

– Любую, сударыня! – обрадовано выпалил Свет. – Меня хорошо обучили.

– Я немедленно поговорю с мамой. – Княжна встала из-за стола. – У вас есть документы?

– Есть! – Свет достал удостоверение личности, подал. – Вот... Все очень справно.

Персты коснулись Снежаниной ладони, и он тут же потупил глаза, потому что взгляд так и норовил зацепиться за обрисованные лифом перси. Все повторялось, вот и виски тронуло знакомой болью.

– Пойдемте! – Снежана, не раскрывая, сунула удостове-

рение в карман платья. – Как ваше имя?

«Свет», – чуть было не выкрикнул Свет.

Но вовремя вспомнил, что уже целую осень, зиму и весну его величают совсем-совсем другим именем.

2. Взгляд в былое.

Век 76, лето 3, вересень

Берендей встретил хозяина с Забавой в сенях. Светильня на стене чуть теплилась, и едва угадываемое в сутеми лицо эконома, казалось, принадлежало совершенно незнакомому человеку.

– Чародей, я все проделал, как было велено. Вещи нашей гостыи здесь. – Эконом кивнул куда-то во тьму. – В номере, кроме всего прочего, находился дамский чемодан. Так что я обошелся без мешка... Убитого, судя по всему, пока еще не хватились.

– Весьма справно. – Свет с трудом удержался, дабы не поморщиться от боли. – Станислава спит?

– Нет. Но я сказал, чтобы на глаза не появлялась.

– А Ольга где?

– Ей я тоже велел сидеть в своей горнице. Гостыя накормлена, почивает.

Свет усмехнулся про себя: нашел же старик словцо. Однако к Снежане токмо оно одно и подходит. «Гостыя почивает»... Ах, буде б она почивала в этом доме во веки вечные!..

– Спасибо, Берендей! Вы, как всегда, делаете именно то, что нужно. Не прибавить, не убавить... Я за вами, будто за каменной стеной.

– Какая еще гостыя? – встрепенулась Забава. – У нас опять

появилась гостья?

Свет повернулся к ней:

– У нас опять появилась гостья. – Голос звучал ровно. – Ступайте в свою комнату и сидите там, покуда я вас не позову.

– Но вы же ранены...

– Ступайте, Забава! – Свет слегка повысил голос. – Рана совершенно чепуховая... Прошу, не мешайте мне хоть вы!

Забава недовольно фыркнула, но послушалась.

Едва она скрылась за дверью, Свет, все-таки поморщившись, скинул плащ:

– Тем не менее, след немедленно перевязать руку. Где у нас аптечка?

– В трапезной.

Перебрались в трапезную. Берендей осторожно стащил с хозяина камзол.

– О боги! Чародей! Что за рана! Можно подумать, вас покусала собака... Надо немедленно к врачу!

Свет скрипнул зубами, пересиливая внезапно напрыгнувшую боль.

– К врачу я отправлюсь, когда закончу дела. И оставим препирательства, Берендей. Все, что опасно обычному человеку, – сущая мелочь для колдуна! Вы-то сие прекрасно знаете!

Берендей только головой качнул. Но спорить, в отличие от Забавы, не стал.

И Свет был ему за это благодарен.

– Может, позвать Станиславу, чародей? У нее ведь мази имеются, травы всякие, примочки...

– Нет! – резко сказал Свет. – Ни в коем случае! Перевязывайте сами, как сумеете! Я вытерплю! Чем меньше народу увидит меня сейчас, тем лучше! Не будет лишних забот! И никому ни слова!

Наконец, рана была перевязана. Свет надел чистую одежду.

– Теперь соберите окровавленное белье и немедленно сожгите в печи. Немедленно! Не забудьте плащ, он в сенях!.. Да! И проверьте, не накапало ли где крови. Коли найдете, тщательно замойте!

«Знамо дело, для сыскников это замывание помехой не станет, – подумал Свет. – Но нет у меня сейчас времени думать о подобной ерунде. Успею – обработаю...»

Он разыскал в сенях Снежанин чемодан и поднялся в гостевую.

Княжна и в самом деле спала. Однако оторвала от подушки голову, едва Свет перешагнул порог. Вскочила:

– Кто тут? Это вы, чародей?

Свет решил не зажигать огонь.

Береженого, как всем ведомо...

– Я принес ваши вещи, княжна. Одевайтесь, быстро! Вам надо уезжать.

– Как уезжать?! Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас. Немедленно! И не задавайте никаких вопросов, ради Сварожичей! У нас ни минуты нет лишней.

Снежана послушалась, молча зашуршала в темноте платьем, и ей Свет тоже был благодарен. Наконец шуршание стихло.

– Я готова, чародей. Как ваша рана?

– Все в полном порядке, – соврал Свет. – Коли не прикасаться, не болит. – Он подхватил здоровой рукой Снежанин чемодан. – Пойдемте скорее!

Они спустились вниз. В сенях Свет сотворил заклятье на невидимость. Вышли на пустынную набережную, двинулись к скверику.

Снежана семенила в шаг позади – словно уже поняла, что Мокошь отлучила их друг от друга.

– Вы уедете в Ключград первым же поездом. Так будет лучше для всех.

– И для вас?

– И для меня!.. А сейчас я кое-что должен сделать...

– Хотите превратить меня в куклу, чародей? – спросила Снежана безжизненным голосом.

Свет снова скрипнул зубами – на этот раз вовсе не от боли в руке.

– Не хочу я превращать вас в куклу, княжна. – Он остановился, поставил на тротуар чемодан. – Но согласитесь, вам не нужны лишние неприятности.

Остановилась и Снежана, замерла.

Было хорошо видно, как ее колотит – то ли от ночной прохлады, то ли по какой-либо другой причине.

Свет возложил десницу на девичье чело. И чуть не отдернул – так оно было горячо.

«Не заболела бы, – подумал он. И сказал:

– Через пять минут вы забудете все, что происходило с вами в Новгороде.

Снежана вскинула на него полные тоски глаза:

– Но я не хочу забывать о случившемся в гостевом доме. И о нас с вами тоже не хочу забывать. Даже буде это вы влюбились меня в себя самого.

– О боги! Да не влюблял я вас, глупая вы девчонка! Зачем тогда я велю вам все забыть?

– Я не хочу забывать, чародей! – Она вдруг опустилась на колени. – Пощадите!

– Встаньте! – прохрипел Свет: горло перехватило ежовыми рукавицами. – И забудьте! Немедленно! И молчите! – Он вдруг устыдился своей жестокости. – Вернетесь домой, читайте ежедневно столичные «Куранты». Буде сумею, я непременно подам вам весточку. Сварожичи – свидетели!

Он снова подхватил чемодан и двинулся вперед. Сделав десятка два шагов, обернулся.

Снежана шла следом, повесив голову. Движения ее сделались плавными и медленными.

– Вы придумаете, как объяснить князю и княгине свое от-

сутствие, – сказал Свет. – Вам поверят. Хотя бы на первое время. Но, пока все не успокоится, ни в коем случае не разговаривайте с чародеями.

– Да, – прошептала она. – Я не буду с ними разговаривать... Я присно ненавидела чародеев...

Любезный ждал, где было приказано. Слетел с козел, помог даме подняться по ступенькам, угнездил на багажник чемодан.

Света он не замечал.

– Отвезете женщину на Чухонский вокзал. Посадите в самый первый поезд до Ключграда. Вот деньги. – Свет сунул в ладонь любезного несколько бумажек. – И забудете обо всем до самой смерти. Ни этой женщины, ни меня вы вовек не видели.

Любезный запихал бумажки в потайной карман форменного кафтана, взлетел на козлы.

И трибуна укатила.

Свет несколько долгих секунд смотрел ей вслед. А потом бросился домой. Ввалился в сени. И выругался.

Сейчас мысль насчет газеты уже не казалась ему удачной. Слабость это была и глупость – как и всякое необдуманное заранее действие. Но догонять трибуну теперь уже поздно. Да и времени на это – он был уверен – попросту не осталось. Любезный же сделает все как велено.

Из трапезной выглянул Берендей:

– Тряпки полностью сожжены, крови на полу не оказа-

лось, нигде ни малейших следов... Как рука, чародей?

– Лучше некуда!.. Где мой баул?

– Я отнес его в кабинет. Принести?

– Да.

Берендей шагнул на лестницу. А Свет кинулся в его комнату.

Станислава бодрствовала. Но сразу же засопела, едва Свет велел ей все забыть и заснуть. Он укрыл женщину одеялом, отправился к Ольге, наложил еще одно заклятье.

Ну вот, осталось чуть-чуть...

Однако Забавы у себя не оказалось.

Проклятая девчонка в очередной раз не послушалась, и Свет, рассвирепев, выскочил в коридор.

Берендея с баулом он встретил возле лестницы.

– Где Забава?

– В вашей спальне. Понесла чай, сказала, на улице холодно и вам надо будет согреться...

– Я же велел ей ждать в своей комнате!

Берендей лишь растерянно пожал плечами.

– Ладно, – сказал Свет. – Давайте сюда баул. – Он сотворил заклятье в третий раз. – Забудьте все, что происходило этой ночью. Сейчас немного подождите. Когда я уйду, немедленно закройте двери, погасите светильники и отправляйтесь в кровать. Вы проспали всю ночь беспробудно. И никого и ничего не видели.

Берендей огородным пугалом застыл возле стены. А Свет

почувствовал легкую слабость в коленях. Но голова была ясной как никогда.

Оставалось немного – разобраться с проклятой девчонкой.

Ну я ей сейчас покажу!.. А впрочем, нет. Ничего я ей показывать не стану. Просто тоже заставлю все забыть. Абсолютно все! Теперь эти воспоминания лишние; ничего они ей не принесут. Кроме горя да беды...

Он поставил баул на пол, шагнул к лестнице, взялся лестницей за перила.

Лестница вдруг качнулась, опрокинулась, начала падать, медленно и неотвратно, прямо на него.

Последнее, что он услышал, был испуганный вскрик:
– Светушко!

Кричала Забава – это было последнее, что он понял.
А потом не стало ни лестницы, ни вскрика, ни Забавы.
И мира вокруг тоже не стало.

3. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень. Забава

Забава быстро сообразила, что Свет собирается вести себя как ни в чем ни бывало. Это с его-то раной! Совершенно о себе не думает человек!.. И, кстати, за всю дорогу от противного старикашки он не произнес ни единого словечка. Сидел да размышлял... А мог бы хоть «спасибо» сказать!.. Ведь это из-за него она столько ныне пережила... Впрочем, нет, не мог! Иначе бы он перестал быть тем Светушкой, кого она знала!

А тут еще новая гостья объявилась, это среди ночи-то!.. О Додола-заступница!.. Мало у нас побывало таких гостей! От них Светушке неприятности одни!.. Нет, с ним надо срочно поговорить! Не ждать же до утра, в самом-то деле!..

И потому, наскоро переодевшись и прихватив для видимости поднос с чаем, Забава немедленно отправилась в хозяйскую спальню. Пришлось, правда, сцепиться с дядюшкой – «Вам же велено сидеть в своей комнате, племяша!» – ну да с этой проблемой она справилась легко. Не впервой... Спальня оказалась пуста.

И Забава перепугалась.

Ведь Светушка ранен, куда его опять унесло?! И потом... Те слова, что он сказал мышиному жеребчику... Их расставание ничуть не смахивало на прощание двух друзей. Похо-

же, Светушке грозит немалая беда. А она тут сидит и ничем не способна помочь... О Додола-заступница!

Впрочем, вернулся Светушка быстро – чай аж остыть не успел. Забава слышала, как они с дядей разговаривают внизу, но слов было не разобрать. Да и незачем!.. Сейчас Светушка поднимется, и она решительно уложит его в постель. Эти, мне, чародеи! Полагают, они двужилые. Придется настоять... А поговорить с ним, в конце концов, можно и утром.

Прошло пять минут.

Светушка не поднимался.

Внизу вновь зазвучали неразборчивые голоса.

Не оставалось ничего, нежели спуститься на первый этаж самой. И она поспела как раз вовремя.

Сначала у нее сердце в пятки убежало.

Светушка лежал на ступеньках лестницы, неловко повернув под себя десницу. А дядя Берендей неподвижно стоял возле стены.

Что-то явно случилось.

И Забава поняла: время пугаться ушло. Настало время спасти любимого.

– Не стойте вы истуканом, дядя! – крикнула она. – Ужель не видите? Ему же помощь нужна!

Дядино лицо дернулось, слегка исказилось – словно он силился что-то вспомнить да никак не мог, – а в остальном Берендей Сосна и ухом не повел.

Забава бросилась к нему, репейной колючкой вцепилась в запястья:

– Помогите, дядя! Ведь он ранен! Он же умрет!

Дядины губы шевельнулись. Только губы. И ничего более.

Тогда она бросилась к тете Стасе, принялась трясти за рамена.

Что они все, белены объелись!.. Должен же кто-то помочь ей отнести чародея в спальню и сбегать за врачом.

Но тетя Стася только смотрела в стену пустыми глазами и тут же опрокинулась затылком на подушку, едва Забава отпустила ее. А Ольга... та и вовсе не проснулась. Сопела себе в две дырочки, лахудрища проклятая!

И Забава поняла вдруг, что здесь не обошлось без колдовства. Не будет у нее ныне помощников, придется справляться самой.

Так, ладно. Слезы в сторону, поплачем позже. Сначала надо перетащить Светушку в спальню, до постели... хотя нет, ближе в кабинет, там оттоманка. А потом быстро за врачом... Хорошо, что живет недалеко... О Сварожичи, сколь же вы тяжелы, любя мой!..

– За... ба... ва...

Это был не голос, скорее полушепот-полухрип.

Забава, не выпуская из рук Светушкиного тела, повернула голову.

Говорил дядя. Вернее, пытался говорить. Было видно, с каким трудом даются ему слова.

Так, помнится, изъяснялась парализованная тетка Тихослава, их с мамой соседка в Борисове-на-Онеге, незадолго перед тем, как Марена забрала ее в свое царство.

– На... до е... го у... вез... ти от... сю... да... Бу... дет бе... да...

Дядины глаза смотрели на племянницу, но взгляд их то и дело убегал в пространство, за пределы дома.

– Куда увезти? Зачем? Ему врач нужен!

– У... ве... зи... те... Бе... да...

Дядя замолк. Глаза его окончательно убежали в никуда. Зато сам он вдруг ожил; решительно и целеустремленно зашагал по коридору; не оборачиваясь, скрылся в своей комнате.

Забава осторожно опустила Светушку на ступени и стремглав бросилась за экономом.

– Дядя! Дядя! Как же я его...

И осеклась: Берендей, не обращая ни малейшего внимания на племянницу, разделся и улегся в постель, под теплое крылышко тети Стаси.

– Дядя! – Забава потрясла обмякшее тело.

Берендей Сосна захрапел.

Похоже, неизвестное колдовство одолело и его.

Забава в отчаянии зарыдала.

А потом отчаяние улетело подобно дядиному взгляду. На смену явились решительность и целеустремленность – как у дяди, когда он рвался под крылышко. Забава выскочи-

ла в коридор.

Светушка по-прежнему лежал на лестнице, даже не сполз – видно, ни разу не шевельнулся, – и она перетаскала его в сени, на половичок перед дверью. Сдернула с вешалки в шкафу чей-то плащ, подложила Светушке под голову – пусть ему будет мягко. И бросилась в конюшню.

Тут на нее вновь напало отчаяние, ибо она представления не имела, как запрягают лошадь. Можно было, вестимо, сбегать за Петром, но что-то удержало Забаву. Она и сама не знала – что.

Просто подобный поступок показался ей в нынешних событиях не самым умным.

И тогда, облачившись в какую-то уличную тряпку, она выскочила на набережную.

Тут ей повезло – уже через пять минут поисков она заметила трибуну, неторопливо ползущую в свете уличных фонарей по Ратной улице.

– Свободны, любезный?

– Свободен, сударыня. Куда изволите?

– Вперед. На Торговой свернете направо. Я покажу, где остановиться.

Все происходило, будто во сне, но обретенные в дядиной спальне решительность и целеустремленность жили наяву. По-видимому, именно они помогли ей надеть перед выходом на улицу собственный плащ.

Хороша бы она оказалась, представ перед извозчиком,

скажем, в дядином клетчатом пальто. Вот смеху бы было! И страху – извозчик бы удрал немедленно и остановился лишь возле первого городского...

Между тем трибуна поравнялась с хозяйским домом.

Забава скомандовала:

– Остановитесь, пожалуйста, здесь. – Выбралась на тротуар. – Мне нужна ваша помощь. – И добавила, заметив, что любезный смотрит на нее с откровенным сомнением: – Не волнуйтесь, я доплачу вам за беспокойство.

Любезный закричал, однако с козел спустился. Вошли в дом. Забава кивнула в сторону лежащего на половине Света:

– Надо его перетащить в трибуну.

– Пьяный, что ли? – Любезный вновь смотрел на Забаву с сомнением. – Еще заблуждает меня там все.

– Он не пьян. А я заплачу.

Извозчик, поколебавшись пару мгновений, взял Света под мышки, приподнял. И тут же вернул в прежнее положение, отодвинулся, громко сглотнул.

– Ой, да это же м-мертвяк!... Вы м-много от м-меня хотите, сударыня? Не п-повезу!

– Я вам заплачу. За все. И даже больше...

– Все равно не п-повезу. Токмо м-мне и не хватало заботы – со с-стражей связываться!..

Забава вздохнула и терпеливо сказала:

– До нас с вами страже нет дела. Нешто вы думаете, я спо-

собна была расправиться с таким человеком? – Приподняла ладонь Светушкиной десницы. – Гляньте!

На персте тускло сверкнуло Серебряное Кольцо.

– Вы когда-нибудь слышали, чтобы дюжинная девица сумела убить чародея?

– Н-н-нет, – чуть слышно пролепетал еще более перепугавшийся извозчик.

– Тогда берите его и несите! Ну же! Шевелитесь, любезный! Он болен, его жизнь в опасности! – Целеустремленность и решительность все еще не покидали душу. – Пошевеливайтесь!!! Вы мне ответите, буде он умрет! Ну-ка, повернитесь к огню, я посмотрю ваш номер!

Любезный понял, что деваться некуда. Вздохнул и снова склонился над неподвижным телом.

Через несколько минут Светушка полулежал внутри трибуны. А забравшаяся следом Забава вдруг спохватилась:

– Подождите, пожалуйста, секундочку! – Придержав Светушку за нехворое плечо, пошарила в карманах его штанов и отыскала ключ от домашнего сейфа. Выскочила из экипажа. – Не вздумайте удрать, под землей сыщу!.. Я быстренько.

Взлетела на второй этаж, в кабинете открыла сейф и вытащила тугую пачку денег, запихала в карман плаща. Подумав, прихватила с собой Светушкин колдовской баул. Спустилась вниз, забежала в кладовку, отыскала пустой мешок из-под какой-то крупы, запихала в него баул, выскочила в сени. Там секундочку постояла, вслушиваясь в безмятежную

домашнюю тишину. Откуда-то явилась мысль, что боле она этого дома ввек не увидит. Тряхнула головой, прогоняя дурь прочь. Выйдя на улицу, заперла за собой двери, оглянулась по сторонам – набережная выглядела пустынной, к тому же начал сгущаться туман.

Лошадь перетаптывалась с ноги на ногу; звуки, издаваемые копытами, тут же вязли в туманной вате.

Любезный смотрел на Забаву внимательно и выжидающе. Кажись, он сумел взять себя в руки...

Подойдя к трибуне, Забава вновь оглянулась – теперь на дом. Дом казался безнадежно мертвым, но он по-прежнему жил. Он следил за нею тоскливыми очами и страшно обижался на ее бегство. Его широкие рамена все еще обещали уют и защиту. Здесь Забава провела первые взрослые радости и горе. И первую любовь. Этот дом стал ей родным, роднее, чем тот – приютский, в Борисове-на-Онеге.

Вестимо, он сейчас лгал. Какую защиту мог он обещать ныне, когда его хозяин без памяти лежал за Забавиной спиной?! Но она простила дому сию ложь – ведь он был ни в чем не виноват. В конце концов, есть у нее в столичном городе еще одно место, где можно попросить прибежища.

– Куда едем, сударыня? – Любезный ждал указаний.

А решительность и целеустремленность растворились во вновь нахлынувшем страхе.

– В обитель Ордена дочерей Додолы! – собрав последние силы, хрипло скомандовала она. – Побыстрее! – И забралась

в трибуну.

Когда экипаж тронулся, она стащила со Светушкиного перста Серебряное Кольцо, сунула в карман плаща. А потом глянула в заднее окошко.

Дом, перекосив обиженное лицо, по-прежнему следил за нею. Но, казалось, говорил теперь: «Ступайте с миром!»

4. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень. Наталья

Наталья Кондакова проснулась середь ночи и боле уже не могла сомкнуть очей.

Вестимо, у предводительницы Ордена дочерей Додолы существуют причины для того, чтобы время от времени маяться бессонницей... Однако в эту ночь бессонница любому бы показалась беспричинной.

Ну, в самом деле, отчего вам, милка, не спать-то? Хозяйственное положение обители вполне приемлемо. Третьего дня удалось заключить договор с одним из дебрянских купцов о поставке пропитания, договор очень и очень выгодный для Ордена. Да и для самого купчины, к слову сказать, вполне справная сделка – торгош молодешенек, изо всех сил стремится прорваться на новгородский рынок, и обретение в постоянные заказчики Ордена стало для него весьма неплохим начинанием. А дальше – как крутиться будет... Никто никого не ждет на этом празднике жизни с распростертыми объятиями!

Стены родной кельи были скупно освещены ночником. Давление газа слегка гуляло, и когда огонек пригасал, в дальнем углу, позади кумира Додолы, скапливалась тьма, в которой, видимо, и прятались ночные страхи...

Так было бы в детстве. Но ныне-то, взрослой женщине

в самом соку, чего бояться?

Наталья скинула одеяло с разгоряченного тела, прошлепала босыми ногами к столику у окна – пол приятно охлаждал ступни, – налила в кружку воды из кувшина и судорожными глотками опростала посудину. Перед тем, как вновь улечься в постель, совсем погасила ночник.

Но и во мраке сон не приходил.

И не скоро придет!.. К чему обманывать себя, причина для бессонницы имелась. Самая обыкновенная причина, не хозяйственная иль политическая – бабья... Коли вам уже за сорок, а чреву так и не обрести ребенка... Тут есть, знаете ли, от чего не спать!

Наталья с огромным трудом сдержала народившийся в груди стон.

Да, с виду на жизнь грех жаловаться. Да, ее положению в Ордене позавидовала бы любая додолка... из тех, для кого дитяtko – не главное в жизни... Но как быть, коли вот уже три года именно *это* – главное? Что буде надежды на девицу Алюшникову так и останутся пустыми... А ведь старость-то – не за горами! К чему они прокатились по Наталье, эти минувшие сорок?

Мечта хороша, пока она – мечта. Цель движет жизнью, пока вы оной цели не достигли. А потом... А потом остается просто пустота. Остается жуткое разочарование. И постылая бессонница...

Кабы знать все это двадцать лет назад, когда из кожи вон

лезла, дабы вскарабкаться по длинной орденской должностной лестнице. Положение предводительницы казалось тогда единственным, ради чего стоило жить и бороться. Уж буде суждено Мокошью угодить в додолки, так след сделаться среди них первую... Тем более, что конкурентки – курицы безмозглые! – одна за одной сходили с дороги, когда Владычица брала их в любовный оборот... Наталью она взять в оборот не смогла, при всей своей божеской всесильности! Так думала в те лета Наталья... Все вы, бабье племя, покоряетесь Додоле, а я вот не такая! Надо мной вот Владычица не властна! И потому я где-то сродни ей самой, этой грудастой похотливой суке, охотно укладывающейся аж под своих братьев... Если бы кто-то сумел прочесть тогда Натальины мысли, не избежать бы наказания! Грех-то какой, богохульство!.. Но среди людей таких умельцев нету, даже чародеи – и те лапки кверху поднимают. Разве лишь Кудесник может сподобиться... Но Кудесник с предводительницей Ордена ввек не встретится. Колдовская Дружина люто Додолу ненавидит, богиня семьи – их первый и наиглавнейший враг. Волхвы же, коли и способны читать мысли, так токмо по лицам. А Наталья ввек бы не стала предводительницей, буде по ее лицу оказалось возможным хоть что-нибудь прочесть...

Да, мнилось тогда, все еще успеется, все придет. Целая жизнь впереди! Специально предохранялась во время зеленцов. А оказалось, можно было и не предохраняться! Оно бы

и изменила что-то в жизни, к лекарям бы помчалась...

Наталья вздохнула и перевернулась на правый бок. Поправила под ночной рубашкой тугие, все еще девичьи перси.

Ан нет, милка, не помчалась бы! Так бы и гнала себя вперед, к цели, к вожделенному – оказывается, есть вожделение одно и вожделение другое! – положению первой додолки. Ничего бы ведь не изменила в судьбе! А теперь лекари говорят, что бессильны, что вот буде бы пораньше спохватилась – еще в молодости... Сварожичи милостивы – бывает, дают и бесплодным родить... Теперь же – лишь молиться да верить! Молиться да верить!.. Молиться-то – не велика работа! Верить же с каждым годом все труднее и труднее. После сорока-то избавившись от бесплодия, крепко задумаетесь – рожать или нет... Вдруг дитя-то, первое, уродом получится. Либо – хворь за хворью, болячка за болячкой! Не дитя – горюшко горячее, беды неминучие!..

А может, все это и есть наказание? Наказала ее Владычица – и за богохульство, и за самомнение. Черной-пречерной бабьей болезнью наказала – пусточревием. И остается теперь токмо уповать на Алешникову, а разве девица способна противостоять Додоле?! Но коли не надеяться на возможность оного противостояния, то и жить – не к чему...

У дверей звякнул сигнальный колокольчик.

– Кто там? – Наталья постаралась, чтобы в голосе не прозвучало и толики недовольства.

Знамо дело, предводительница Ордена – мама родная

для всех додолок...

– Это дежурная... Простите, мать Наталья! Сторож говорит, в ворота стучат...

– Ужель без меня не обойтись!.. Чего им надобно среди ночи?

– Крова просят. Больной там, мужчина.

Слово «мужчина» дежурная произнесла чуть ли не с восхищением: какова бы ни была предводительница Ордена, главное для большинства додолок – одно.

– И девица с ним, – продолжала дежурная.

– Хорошо, сестрица, пусть войдут. Я сейчас спущусь. Токмо облачусь во что-нибудь. И разбудите сестру Иву...

Наталья отыскала спички, зажгла ночник, накинула на рубашку атласный халат.

Когда она спустилась, сторож и незнакомый предводительнице пожилой мужчина в извозничьей форме вносили в приемный покой носилки с неподвижным телом. Носилки принадлежали Ордену – видно, больного привезли в трибуну. Тут же суетилась незнакомая девица. Девица была явно взволнована, однако и волнение не могло пригасить ее несомненную красоту.

– Осторожно, судари, осторожно! Не уроните, прошу вас...

Сторож гудел под нос что-то неразборчиво-раздраженное, но, увидев Наталью, тут же замолк, подобрался.

Наверное, незванные гости разбудили его, работничка...

Больного переложили на стол, и пожилой вопросительно глянул на суетящуюся девицу.

– Ну, хвала богам!.. Спасибо вам, любезный! Век буду благодарна! Ступайте с миром! – Девушка что-то сунула ему в десницу.

Видимо, деньги, ибо любезный удовлетворенно кивнул и тут же вышел. Сторож последовал за ним – запереть обительские ворота.

– Что случилось, мама Ната?

Наталя оглянулась.

Полуодетая Ива Алешникова была уже здесь. Заметив недвижимое тело, тут же все поняла, приблизилась к столу, пощупала пульс на шее, глянула в зрачки, возложила руки на виски.

– Кто он? – спросила Наталя.

Внимательно, даже со страхом, следившая за действиями Ивы гостья перевела взгляд на предводительницу. Теперь лицо ее показалось Наталье знакомым.

– Меня величают Забава Соснина, мать предводительницы.

Наталя откровенно пожала плечами – память на имена в данном случае явно уступила ее памяти на лица.

Между тем Ива сняла руки с головы лежащего:

– Не могу понять, что с этим человеком... Хотя, по-моему, непосредственной угрозы его жизни нет.

Страх гостьи сменился столь же неподдельной радостью.

Кто ей этот хворый – отец, дядя? Судя по одежде, люди не бедствуют. Что ж, лишние деньги Ордену ввек не помеха... Вот токмо что с ним, с хворым этим?

Наталья повернулась к девице:

– Что с ним случилось?

Девушка пожала плечами:

– Не ведаю. Потерял вдруг сознание. – Провела ладонями по зардевшимся в тепле щекам. – Я так надеюсь на вашу помощь!

«Что ж, – подумала Наталья. – Наше дело – привечать больных, больных и отчаявшихся. Кто бы они ни оказались...»

На душе вдруг сделалось легко, будто боги осенили ее своим покровительством.

Наталья улыбнулась и сказала дежурной:

– Дайте приют нуждающимся в нем. Так говорила святая Лада... Устройте, милка, их обоих. Его в одиночную палату. А с вами, сударыня Забава Соснина, мы поговорим завтра. Утро вечера мудренее...

Лицо девушки вновь озарилось радостью.

Наталья поднялась к себе, скинула халат и, не гася ночника, прыгнула в остывшую постель.

Теперь она уснула почти мгновенно.

5. Взгляд в былое. Ива

– Ивушонок-кукушонок!

Тишина в ответ.

– Ивушонок! – Мама кричит уже громче. – Ивушка-а-а! – И совсем громко. – Да Ива же, чтоб вас беси взяли! Нешто не слышите!

Ива не слышит. Ива стоит на коленях, скрытая от посторонних глаз буйными зарослями крапивы. По раскрытой Ивиной ладошке неторопко ползет маленький красный кружочек с черными пятнышками.

– Божья вы коховка, дайте молочка, – шепотом. – Сколько оно стоит? Четыхе пятачка.

И кажется Иве, будто красный с черным кружочек – она сама. А как же иначе!.. Ведь это она, смешно перебирая коротенькими лапками, ползет по чему-то невообразимо большому, теплomu, движущемуся... Нет, вестимо, ползатъ тут не страшно – ведь ее так любят, – но пора, знаете, лететь к милым детушкам. Скоро ветер поднимется – не очень-то, голубушка, тогда разлетаетесь!..

С треском – как будто мама распарывает на тряпки выношенное платье – раскрываются за спиной крепкие крылья.

И вот внизу – земля. Человеческое жилище стоит, покосившись на сторону, поодаль скособоченный плетень, а за плетнем, за крапивным лесом, на коленях, девочка.

Она сама, Ива. Поднимается с колен, машет десницей. Кричит:

– Пхощайте... Пхилетайте еще!

– Ах вот вы где! – Мама тут как тут. – Ох, несчастье мое!..

Посмотрите, опять все чулки зеленью изгваздали! – Шлеп по заднице, шлеп, шлеп. – О Додола-заступница, да что же это такое! У всех дети как дети, а у меня!..

Ива снова на земле. Небо осталось красному с черным. Божьей коровке...

Мама присно шлепает трижды. Шлеп, шлеп, шлеп!

Ива не плачет.

Да, в наказание за чулки посадят в темный чулан. Ну и пусть!.. Чулки можно выстирать. А мама быстро отойдет, освободит провинницу. Зато летала ныне, когда еще такое приключится?.. Не всякий ведь жучок впустит в себя человека. Божьи коровки с радостью впускают, а вот мухи – не вдруг. Но с ними-то не очень и хотелось! Что тут интересного – оказаться в мухе. Летать с лепешки на лепешку в коровнике. Или ползать по укрытым марлей пирогам на столе.

– Кыш, проклятые, налетели! Для вас я, беси сраные, пекла! – Сразу мухобойкой.

Шлеп, шлеп, шлеп...

И только мрак внутри да пустота – мушиный страх, мушиная пагуба. Мушиная судьба...

Нет, уж лучше – божьей коровкой. Пироги-то так и так Иве достанутся, те, что папа, вернувшись с покоса, не съест.

А папа никогда все не съест, обязательно дочке оставит. Дочушке... Теплые пироги с холодным молоком – это почти как летать!..

– Идите в чулан! Вы наказаны! – Мама уже не шлепает дочку. – О Додола-заступница, чем я прогневила вас, за что мне такое дите?! Нет бы посмотреть, как я тесто месить стану!

– Я буду смотхеть, мамочка! Буду! Пойдемте?!

Мама не смягчается:

– Нет уж, ступайте в чулан. В чулан!.. – Продолжает прочитать: – О Додола-заступница, чем я...

Ну и ладно, в чулан так в чулан. Там мышки бегают. Ма-а-асенькие!.. И коли повезет, можно побыть мышкой. Вестимо, не так здоровско, как божьей коровкой, но тоже интересно.

Провинница идет отбывать наказание с едва скрываемой радостью.

– Что за девчонка... – уже притворно вздыхает мама. – Не иначе, след вести к чародею. Но не ныне, погожу еще лето. До школы...

Ива чувствует мамино притворство. А к чародею она не хочет. И потому бежит до чулана вприпрыжку – где еще и спрятаться от страшного чародея, как не там?

Потом Ива научилась выговаривать звук «р». Звучно, раскатисто: «Р-р-р!»

А жучки перестали впускать ее в себя.

Произошло это ближе к осени, вскоре после того, как она познакомилась с бабой Любой. Ту пригласили изгнать папину хворь. Баба Люба хворь изгнала, пристально посмотрела в любопытные глазенки крутящейся рядом Ивы и долго-долго разговаривала потом с мамой.

Как ни странно, Ива на жучков не обиделась.

Ей казалось, произошло это не случайно. Ей казалось, так будет продолжаться недолго. Случайно и долго – это не о ней. И раз перестали впускать в себя жучки – знать, начнут люди. Она была уверена в том, как в завтра. Ведь завтра не может не наступить. Сварог установил в подлунной порядок, согласно которому за ныне присно наступает завтра. То есть, в тогдашнее время ее мысли, вестимо, не выражались подобными словами. Слова пришли позже, когда она подросла и познакомилась с ними. А в ту пору ей просто было известно, что завтра приходит всегда. И раз жучков не стало, кто-то их выгнал. Ну а выгоняют жучков обычно люди – как мама однова тараканов с кухни. Люди выгоняют жучков и занимают их место.

Наверное, все равно будет интересно! Жаль лишь, летать

больше не придется. Ведь люди-то не летают. Разве токмо колдуны!.. Но колдуны в себя не впустят – в этом Ива была столь же уверена, как в том, что непременно наступит завтра.

Она и сама не ведала природы своей уверенности.

Все люди должны пить и есть. А колдуны не должны впускать в себя. Никого. Так решили боги.

Люди же впускать должны. Иначе – когда они заболеют – их не вылечат. Когда баба Люба лечит, ее в себя впускают. И меня впустят!..

Однако Иву люди в себя впускать не спешили. Впрочем, это недолго беспокоило девочку – ведь в жизни так много других интересных занятий.

К примеру, кроить с мамой к празднику новое платье. Или с папой подшивать старые валенки, толстыми нитками, которые называются «дратва». И за это не посадят в чулан, наоборот, похвалят!..

Она почти забыла божьих коровок. А мама перестала говорить, что дочку надо отвести к чародею.

Но однажды ввечеру...

Мама пришла поцеловать ее перед сном. Коснулась губами дочкиного лба.

Ива привычно обхватила маму за шею. И счастливо зажмурилась.

Изумрудный туман затопил комнату, и девочка не сразу поняла, что ее глаза все еще закрыты. В груди резануло острым – как в тот раз, когда, учась чистить картошку, она по-

резала перст на шуйце. А потом...

Пламя обрушилось на Иву со всех сторон.

Она спала-спала, ни с того ни с сего проснулась, а вокруг – рыжий огонь! И тут же – боль, неотвратимая, мучительная, последняя в жизни.

Ива вдруг поняла, что маме не понравится, буде она закричит. И терпела до последнего. Хотя и металась из стороны в сторону, в смертном страхе вопя от боли, не узнавая своего голоса. Металась с воплями – и молча лежала, прижимаясь похолодевшим лбом к горячим маминым губам.

Рядом кто-то заверещал, возникла из ничего охваченная пламенем фигура, повалилась на землю и задергалась, скрючиваясь и потрескивая, будто сучья в костре.

Этого Ива уже не выдержала – завопила.

Мама сначала перепугалась. Отшатнулась:

– Ивушка, что с вами? Где болит? Где?

И тут же боль прошла, аки ее порождали именно мамины губы.

Ива мотнула головой, замолкла.

А мама, удостоверившись через некоторое время, что с дочкой все в порядке, рассердилась и поколотила ее. Не привычную порцию: шлеп, шлеп, шлеп по заднице – больно и жестоко. Как однава папа, пришедший домой пьяным. «Нарисовался, голубок, – сказала тогда мама. – Поганой тряпкой не стереть!...»

Скрипнула дверь – папа прибежал выручать дочку из ост-

рых материнских когтей. И выручил. Но когда, утешив родимое дитяtko и утерев сопли, он спросил шепотом: «Ну а мне, дочушка, вы поведаете, что случилось?» – та промолчала. Не могла она сказать, что охваченная пламенем верещавшая фигура показалась ей похожей на папу.

На следующий вечер мама снова пришла поцеловать дочку.

И вчерашнее повторилось.

Едва мамины губы коснулись Ивиного чела, снова запылал вокруг жуткий рыжий огонь, вновь заверещал рядом и засучил ногами некто, так похожий на папу.

Правда, ныне мама не поколотила Иву. И вопросов не задала. Так что выручать папе на этот раз было некого.

Впредь мамины поцелуи дочке не предназначались. Папу же они только радовали.

Впрочем, до корочуна, когда солнце поворачивает на межень, а зима на мороз, оставалось всего три недели. В праздничный вечер на столе был тушеный в большом горшке (мама едва ухват удержала!) каплун с овощами.

А посреди праздничной ночи мама с папой сгорели в пламени неожиданного пожара.

Наверное, не будь в доме Ивы (в последнее время она частенько ночевала у бабы Любы), маму он успел бы спасти – да и сам бы наверняка уберегся! – но ныне Ива спала в своей кроватке. Дочушку папа успел выбросить в окошко, и, упав на притоптанный снег, Ива всего лишь переломила запястье

шуйцы. А на маму и на себя ярый огонь времени Потехе Алюшнику не оставил. Только двойной – и такой знакомый Иве! – вопль донесся из дома.

И тогда она тоже закричала.

Вокруг уже бегали, гремя ведрами, полуодетые мужики. Иву увели, кое-как успокоили, уложили спать.

Утром ее забрала к себе баба Люба. Они прошли мимо все еще дымящейся груды головешек, и Ива не сводила с них глаз, покуда пепелище не скрыл соседский забор. Баба Люба вылечила покалеченные душу и руку, научила кое-чему из того, что умела сама. Но той же зимой бабе Любе пришлось время отправляться к Марене.

А дважды осиротевшая Ива попала в Вятку, в тамошний детский приют, принадлежащий Ордену дочерей Додолы.

6. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Порей Ерга

Порей Ерга осознал, что все еще жив. И ощутил великую радость. Однако радость тут же сменилась легким беспокойством. А потом и вовсе явился стыд – жгучий и безграничный.

Ибо девицы, которую он был призван Кудесником сторожить, рядом не было и в помине.

С какой же легкостью чародей Сморода избавился от него! Елочки-сосеночки!.. Будто сбросил с рукава муравьишку, по скудоумию ошибшегося дорогой!..

В этой легкости было нечто необъяснимое и противоестественное.

Разве Кудесник не защищал его, Порей Ергу, от Таланта прочих словенских волшебников?.. И разве не он, Порей Ерга, взял тогда, на рубеже, слишком уверовавшего в свою Силу колдуна?..

У случившегося было лишь одно объяснение – Кудесник попросту не препятствовал неожиданному вторжению Смороды. Так и токмо так!

Могли у Остромира быть веские причины для подобного поступка?.. Вестимо, могли. К примеру, забота о своей собственной жизни. Но ведь... Но ведь обычный словенский чародей по определению не способен угрожать Ку-

деснику! Иное возможно лишь в одном-единственном случае – буде «обычный словенский чародей» на самом деле вовсе не обычный и вовсе не словенский. А тогда получается, мои подозрения были недалеки от истины!.. И промедление теперь смерти подобно!

Порей выскочил из каморки.

Остромир сидел в своем кресле, безвольно навалившись грудью на стол и повесив седовласую голову.

Перед ним лежал его, Порей, «змиулан».

Кудесник мертв, понял вдруг Порей. Лже-Сморода убил старика. Добился-таки своего, лазутчик варяжский!.. О боги! Будь я проклят во веки веков!.. Ведь Кудесник уповал на мою помощь, а я...

Он, спотыкаясь, приблизился к мертвецу, взял Остромирову десницу, готовясь к самому худшему.

Рука еще не заоченела. Надо бы пощупать пульс...

И тут же Остромир дернулся, поднял голову.

– Что?.. Кто?..

Глаза его прояснились, взгляд сфокусировался – Кудесник узнал Порей.

Ерга обрадовался и сделал шаг назад, застыл в восторге и благоговейном молчаливом ожидании.

Кудесник тоже застыл – обхватив голову руками. Было хорошо видно, сколь напряженная работа происходит в его мозгу.

Порей захлестнула новая волна благоговения.

Вот ведь человечеще – едва-едва в себя пришел, а уже ни толики страха, ни капли растерянности!.. Экая могучая силища в старике!.. Да-а-а, хвала Сварожичам, что судьбы княжества живут в руках подобных людей. Настоящая опора Рюриковичу!

Долго восторгаться Порей не дали.

В приемной послышался шум, дверь отворилась, и в кабинет ввалился раздосадованный Остромиров секретарь.

И Порей понял, что на дворе уже утро.

– Кудесник! Нешто вы даже не ложились? – Секретарь был возмущен до глубины души. – Почему же меня-то не обеспокоили? Что случилось?

Остромир очнулся от размышлений и пожевал губами:

– Ничего особенного не случилось, Всеслав. Все справно. Работаем по обычному распорядку дня.

Голос Кудесника был спокоен и деловит.

Секретарь растерянно пожал раменами, помялся еще немного и наконец отправился исполнять свои служебные обязанности.

Остромир повернулся к Порей:

– Значит так, принципал... Заберите оружие! Оно вам еще пригодится.

В тоне старика не ощущалось никакой издевки.

Впрочем, Порей бы и не обиделся.

Он молча взял «змиулан» со стола, аккуратно поставил на предохранитель и засунул в кобуру.

Привычные движения породили в душе спокойствие.

Кудесник молча следил за его манипуляциями. А потом сказал:

– Давайте-ка мы с вами уточним сложившуюся на сей момент обстановку. – Он глянул Порейю прямо в очи. – Ночью резиденцию посетил вовсе не чародей Сморода. Думаю, вы понимаете, что Сморода не способен на подобные... э-э-э... выходки. Не столь велик его Талант. И потому полагаю, нас с вами в облике Смороды посетил варяжский лазутчик. А вот чтобы поймать лазутчика, мне действительно необходим Сморода. Крайне необходим!

– Так прикажите привезти его, – не выдержал Порей. – И дело с концом.

– Не получится, принципал. – Остромир коротко мотнул головой. – Чародея ввели в заблуждение, и он отказывается исполнять свой долг. Ваша первоочередная задача – отыскать его. И максимально быстро!

– Как отыскать?! – Порей опешил. – Елочки-сосеночки! Ведь он же содержится в «Маловом приюте»...

– Он там содержался. – Кудесник снова глянул Порейю в очи, пожевал губами. – Но теперь его в «Приюте» нет.

Порей хотел было спросить, каким образом чародею Смороде удалось покинуть столь защищенную от побегов государственную темницу, но что-то вдруг произошло с его головой.

Словно легкий ветерок рассеял превратившиеся в туман

мозги, явив глазу прячущиеся в мутной пелене окрестности, открывая необходимость просто внимать... А когда ветерок стих, у Порей уже не было никаких других желаний, кроме жгучей потребности служить Кудеснику, не задавая никчемных вопросов.

– Чародея Смороду след немедленно найти. – Голос Остромира звучал камышовым шуршанием в почти безветренную погоду. – А чтобы это сделать, след отыскать его служанку, Забаву Соснину. Вы с оной девицей уже знакомы – вечер она составляла вам компанию.

Порей хотел было спросить, зачем варяжскому лазутчику потребовалась служанка Смороды. Но не спросил: это был никчемный вопрос.

– Поисками Забавы Сосниной вы и займетесь, – продолжал Остромир, – причем незамедлительно. Когда сыщете, никаких активных действий в отношении ее не предпринимать. Просто тотчас доложите мне и получите дальнейшие указания. Вам наверняка потребуется помощь Колдовской Дружины и Министерства безопасности. Я немедленно отдам указания опекуну Медоносу и поговорю с министром Утренником...

В приемной вновь раздался шум.

Кудесник раздраженно хрюкнул и взял в руки сигнальный колокольчик. Но секретарь уже стоял на пороге.

– Кудесник! Министр безопасности сообщает, что опекун Вышата Медонос был найден ныне утром мертвым. В сво-

ем кабинете... Судя по предварительным данным, покончил жизнь самоубийством.

– Вышата Медонос? – удивился Кудесник. – Самоубийством?... Верно ли вы поняли, брате?

– Верно, Кудесник. Утренник сказал, похоже, опекун застрелился из собственного пистолета.

В наступившей тишине было хорошо слышно, как старик скрипнул зубами. Однако когда он снова заговорил, голос его был совершенно спокоен.

– Я понял, Всеслав. Передайте Утреннику, что я незамедлительно поговорю с ним через зеркало, как только освобожусь.

По краю сознания у Порей промелькнула мысль, что поиски чародея для Кудесника, кажется, важнее смерти опекуна Медоноса, но это была очередная никчемная мысль, и Порей тут же загнал ее в небытие.

– Хорошо бы дать вам в помощь мужа-волшебника Буривоя Смирного, – продолжил Кудесник, едва секретарь скрылся в приемной, – но, увы, он все еще в Ключграде. Да и состояние его... – Остромир помолчал, размышляя. – Ладно, я найду вам помощника. Чуть позже... А пока придется начинать без колдунов.

Порей хотел сказать, что вполне обойдется и без Семарглова охвостья. Но это тоже было никчемное желание.

– Я начну поиски с дома чародея Смороды.

Кудесник кивнул:

– Мне кажется, вы ее там не найдете, принципал. Но начинать откуда-то надо. – Он встал. – Добро! Ступайте с миром!

7. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья

Утром в четверницу Наталья Кондакова вновь проснулась в аховом настроении.

Предстоящий день, по заведенному давно распорядку посвященный административным приемам, обещал быть весьма хлопотным. Уже на десять часов назначена встреча с двумя или тремя руководительницами провинциальных приютов. Опять посыпятся опостылевшие просьбы и разъяснения, но такова уж должность предводительницы Ордена, и никуда от нее, распроклятой, не деться.

Хвала Сварожичам, хоть ежеседмичный большой молебен Додоле состоялся вчера!..

Потом надо будет распорядиться, чтобы наняли кровельщика — след залатать прохудившуюся крышу обительской конюшни. Опосля обеда принять нескольких купцов. Да еще отслужить каждодневный, краткий молебен Заступнице. Да заглянуть в лечебницу... Как там, кстати, больной незнакомец? Ага, вот еще что... Надо пристроить к работе его дочку. Или племянницу?..

Наталья вспомнила страх на лице девицы, вздохнула, выбралась из постели и принялась за утренний туалет.

Теперь она вообще не сомневалась, что встречала ночную гостью раньше.

Вот токмо где?.. Может быть, девица уже бывала в обители? Или встречались в каком-нибудь из столичных особняков – Наталье приходилось время от времени беседовать с женами великородных. Дочери Додолы – любой словенской женщине пусть и не первые подруги, но и врагинями их называть негоже. В конце концов, всех нас объединяет одно – наши дети.

Наталья скрипнула зубами.

О детях вспоминать не стоит, а то настроение станет и вовсе безрадостным... Так где же я видела эту девицу? Нет, не вспомнить...

Едва она приняла душ и перебралась в личный кабинет (имелся еще административный, для орденских хлопот), дежурная принесла завтрак и свежие «Куранты» – предводительница любила просматривать за едой новгородские газеты. Намазав маслом булочку и взявшись за порцию пшенной каши с сухофруктами, Наталья листала «Куранты».

Великий князь принял посла Балтии. Так... Великая княгиня посетила школу ткачих и подарила ученицам... Из-за хорошего урожая цены на пшеницу и рожь падают. А вот на кофе – из-за неурожая в Африке – растут. Ну, мы кофе не пьем... В столицу прибыл новый русский посланник. Это нас вообще не касается... Тайна убитого в Ключграде волшебника по-прежнему не раскрыта. Ну и прах с ними – как с оной тайной, так и с самим волшебником! Хотя, вестимо, жалко парня. Родителям-то горе какое! Растили, пои-

ли, кормили ребенка, пусть и будущего волшебника... Стоп! Не надо о детях, милка, Велес вас возьми со всеми вашими потрохами!

В дверь постучали.

Наталья оторвалась от газеты:

– Прошу вас!

Вошла Ива Алюшникова.

– Здоровы будьте, мама Ната!

Наталья кивнула, помешивая ложечкой чай.

– Будьте и вы здоровы, Ивушка! Что привело вас ко мне в такую рань?

Ива развела руками:

– Дело вот в чем, мама Ната... Не ведаю, так ли уж это важно... Наш ночной гость – волшебник.

Наталья чуть не выронила чашку.

Обладатели Серебряного Кольца ввек не появлялись в стенах обители. По крайней мере, с той поры, как здесь оказалась Наталья.

– Ужель волшебник? Вы не ошиблись, милка?

– Нет, мама Ната. Когда мы перенесли его в палату, я решила проверить, и мне показалось... Вы же знаете, мне не слишком дается определение аур, еще не научилась. Но ныне утром, заглянув к больному, я обнаружила у него на персте Серебряное Кольцо. И сразу побежала к вам...

– Подождите-ка, подождите... По-моему, ночью я не видела никакого кольца. Я, правда, не присматривалась...

– Его и не было. А теперь есть!

– Выходит, больной надел его уже в палате?

– Да, если приходил в себя. Сейчас он по-прежнему без сознания... А может, это сделала его спутница. Ночью она оставалась с ним какое-то время наедине.

Наталья хотела было немедленно послать за ночной гостьей, но тут же остановила себя: случившееся требовало размышлений.

Все-таки не каждый день в обитель попадают заболевшие чародеи!.. Но по этой же причине много времени для размышлений не имелось.

– Ладно, милка. Сделаем так... Осмотрите нашего больного еще раз, повнимательнее. И передайте девице... как ее?... кажись, Забава?... что я жду ее в половину десятого, в главном кабинете.

Ива ушла. А Наталья задумалась.

На первый взгляд, больной чародей в обители – это не так уж и плохо. Можно в качестве платы потребовать, чтобы он обучил основам своего мастерства Иву Алюшникову. Вряд ли согласится, вестимо, но попытка – не пытка, а деньги не убегут... Однако с другой стороны, больной чародей – странное явление. Век не слышала, чтобы чародеи болели так, что сознания лишаются, а к ним не вызывают лекаря. У них же у каждого имеется свой лекарь, не бедные люди, известное дело!.. Мда-а-а, очень странно! Нет ли тут какого злого умысла? К примеру, попытки проникнуть в стены

обитатели с какими-либо намерениями... Может быть, лучше вызвать земского врача и переложить необходимое лечение и прочие заботы на плечи государства?

Наталья допила остывший чай и отставила чашку.

Но какие могут быть у Колдовской Дружины злые намерения? Для чего чародею проникать в стены обители? Ведь Орден опекает сама Великая княгиня, и вряд ли братья-волшебники решатся на что-либо серьезное. Тем более что против Ордена они токмо на словах, а на деле существование наше приносит им одну лишь пользу – это уж мне ведомо хорошо! Этакие вот жмурки-салки... Сколько колдунов с червоточинкой выбраковали из Дружины мои девицы! Да тут впопру требовать с Кудесника вознаграждение! К примеру, чтобы обучил Иву Алюшникову основам своего мастерства...

Наталья улыбнулась дикости последней мысли.

Ладно, думайте не думайте, а начинать надобно с разговора. Может эта Забава что-нибудь прояснит!

И приняв решение, она отправилась в каждодневный обход своего хозяйства.

8. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Забава

Светушка подошел к ней, наложил на чело руки.

Забава тут же затихла, аж дыхание затаила. Кожу на челе слегка покалывало. Но не как морозцем, потому что холодом и не пахло. И не как иглами, ибо было не больно. Наоборот, очень приятственное щекотание!

– Ой! – сказала Забава. – Какие у вас теплые руки, любя мой ненаглядный.

Светушкина десница перетекла на висок. Шуйца повторила движение.

А у Забавы по спине мураши побежали.

– Прошло? – спросил Светушка.

– Нет еще! – поспешно солгала Забава – ей очень хотелось, чтобы мураши еще немного погонялись друг за другом.

Светушка понял, что она лжет, ибо поморщился. Тем не менее промолчал.

И она по гроб жизни была благодарна ему за это молчание. Но надо ведь и честь знать.

– Не болит уже... – Она с сожалением вздохнула. Мураши разбежались. – Спасибо вам!

Пришла темнота. Пришла и ушла...

Вера слушала Забавины обвинения с широко раскрытыми глазами. А когда Забава закончила, сказала:

– Послушайте... По-моему, я не давала повода к подобным подозрениям.

– Да?! – Забава чуть было не потеряла дар речи. Но справилась с собой. – А зачем вы уединялись с ним днем? А почему он пригласил вас ныне гулять? А с какой стати вы любезничали за ужином?

– О Боже! – Вера возвела очи горе. – Вы погубите меня своей ревностью! Днем чародей лечил меня от амнезии...

– Знаю я вашу амнезию! – оборвала ее Забава. – Вся ваша амнезия у вас между ног!

Вера прикрыла лицо обеими руками и затрясла головой.

– О Боже! – Она опустила руки: в глазах ее стояла такая боль, что Забаве стало стыдно. – Я повторяю: днем чародей лечил мою память. И кое-чего добился... Гулять я пошла потому, что уже несколько дней просидела взаперти. А его любезное поведение за ужином яснее ясного говорит, что постепенно мне удастся изменить его отношение к женщинам. И когда я уйду отсюда, он уже не сможет быть таким, каким был раньше. Его любезное обращение переберется на вас...

– Вы уйдете отсюда?!

Гостья улыбнулась:

– Конечно уйду. – Она тряхнула пшеничными кудрями. – Сегодня ваш хозяин заставил меня окончательно вспомнить, что я колдунья. А значит, мне не нужно от мужчины того, что нужно обычным женщинам. И вам нечего беспокоиться о том, что у меня между ног...

Темнота...

Светушка бездвижно лежал на столе, а девица-лекарица накладывала ему на виски пронырливые лапки.

Забава хотела оттолкнуть мерзавку, но руки вдруг засопровтивлялись. И все тело засопровтивлялось.

Будто она попала в густой сахарный сироп, который ни-почем не хотел выпускать ее из липких объятий.

Впрочем, она бы справилась и с сиропом, и с девицей, но ведь предводительница очей с нее не сводила. Только шевельнитесь – и в миг отправитесь за ворота, в темную ночь и лютую неизвестность.

Но тут пронырливые лапки оставили в покое Светушкину голову.

– Не могу понять, что с этим человеком, – сказала мерзавка. – Хотя, по-моему, непосредственной угрозы его жизни нет.

«Знамо дело, нет, – подумала Забава. – Разве можно от вас правды дожидаться? Все лекари одинаковы! Не волнуйтесь, сударыня, мы обязательно вылечим вашего мужа! А его не лечить надо, его защитить надо. От самого себя! Потому что от других он и без вас защитится... Однако про рану Светушкину говорить не след. Иначе мы тут же вылетим из обители!»

Мерзавка сделала шаг в сторону; сияние газовой светильни коснулось ее лица, и Забава ошалело захлопала глазами: перед ней стояла летошняя лахудра Вера. Заколотилось сер-

дечко, гнев заполнил опустевшую душу. Самое время вцепиться мерзавке в волосы.

Но тут светильня погасла – наверно, лахудра решила спасти колдовством...

А потом Забава проснулась.

Где-то в темноте, далеко-далеко, на самом краю подлунной, горланили утренние петухи. Словно желали привлечь внимание новгородцев к скрывающейся в столичных подполах велесовой гвардии. А мары не спали, мары ждали. И готовы были ждать сколь угодно. Все равно ваш чародей, милка, отправится на погост, к Марене! Кишка у него тонка, у вашего распрекрасного чародея!..

– Ну нет! – сказала им Забава. – Век сего не дождетесь, злыдни проклятые!

И проснулась снова, на этот раз – по-настоящему.

В окно рвался розовый свет Денницы.

Петухи по-прежнему горланили, шля ей привет. Но теперь и за дверьми слышался неопределенный шум.

Похоже, хозяева уже проснулись. Возможно, мыли в коридоре полы. Или разносили завтрак незванным гостям.

Забава откинула одеяло, села, огляделась.

Ночью, когда предводительница разрешила им остаться в обители, Забава тут же превратилась в резиновую куклу, из которой выпустили воздух. Решимость и целеустремленность сбежали навсегда. Она почти не помнила, как ее привели сюда, как она разделась и легла. А уж о комнате и го-

ворить нечего – Забава бы немедленно уснула, буде бы ее бросили даже в темницу... Ладно, хоть Серебряное Кольцо успела Светушке надеть!

«Темница» оказалась невелика, но с умывальником и небольшим платяным шкафом. А вот стола не было. Вернее, был, но письменный, похожий на тот, что стоял в Светушкином кабинете. За такими столами не едят, а думают. По-видимому, завтраки здесь гостям не разносили – пожалуйте в общую трапезную, сударыня. Все как в детстве, в родимом борисовском приюте... Ну, ладно, в трапезную так в трапезную!.. Вспомним детство, вспомним приют. И мать Заряну...

В дверь постучали. Не по-хозяйски, прямо скажем, – робко и чуть слышно. Будто боялись разбудить...

Забава накрылась одеялом, крикнула:

– Войдите, я не сплю!

Порог переступила ночная девица-лекарица.

– Здравы будьте, сударыня. Как вам спалось?... Меня величают Ива.

В розовом свете утра девица уже не казалась столь похожей на летошнюю Веру, как почудилось Забаве в полумраке приемного покоя. К тому же, она была лет на десять моложе лахудры.

– Спасибо, Ива! Величают меня Забава. А спалось прекрасно. Для служанки, чей хозяин едва не отправился к Марене, лучше не бывает...

– Так это ваш хозяин, оказывается? – Лицо девицы расцвело приветливой улыбкой. – Ну, марам-то до него покамест ни в жизнь не добратся. Я его непременно вылечу. Меня считают справной руконоложительницей. Многих из хворобы вытащила, и хозяина вашего вытащу.

Взгляд карих глаз был невинен, как у... Забава и сама не знала, кому мог бы принадлежать подобный взгляд. Во всяком случае, отнюдь не девице, которая по-настоящему осознает красу, коей ее одарили боги. А уж тут Сварожичи расщедрились – индо зависть берет!

– Одно мне не понятно, – продолжала Ива. – Ныне утром, зайдя в палату, я обнаружила на персте больного Серебряное Кольцо. Вчерась его не было... Скажите, Забава, ваш хозяин – волшебник?

Забава опустила голову:

– Волшебник. А кольцо с его перста сняла я.

– Зачем?

– Побоялась, что волшебника ваша предводительница и на порог обители не пустит. Вот и пришлось соврать...

Ива понимающе кивнула:

– Значит, волшебник... И что же с ним случилось?

Забава пожала раменами:

– Не ведаю... Я, Ива, совсем дюжинная девица. О волшебниках ведаю очень немного... А вы, значит, колдунья?

– Да, начинающая. – Ива подошла к окну, раздернула занавески. Повернулась к Забаве, глянула чистыми очами. –

Надеюсь стать справной ведьмой. – Чело ее омрачилось. – Вот только не повезло, девицей родилась. Мужчинам проще, для них и школы существуют. А нам... – Она вздохнула. – Полжизни бы отдала за то, чтобы родиться мужчиной!

«О Додола-заступница! – изумилась Забава. – Сколь же вы наивны, голубушка моя! Разве ж можно болтать о таком, перед совершенно незнакомым человеком?! Хотя, что с юницы, да еще воспитанной додолками, взять?.. А кстати, с каких это пор юницы, воспитанные додолками, мечтают стать колдуньями! Проворонили воспитательницы...»

– Ладно! – Ива махнула десницей. – Как вы думаете?.. Сможет ваш хозяин чему-нибудь научить меня?

Ага, вот где ваш интерес! Что ж... Мудрые люди говорят: «Не лишайте убогого надежды»...

– Вестимо, сможет. Мой хозяин – один из лучших. И по характеру, к слову, не самый ерепенистый. Знамо дело, веревки из него не совете, но буде найдете подход... Все возможно в подлунной.

Девушка просияла. И тут же озаботилась:

– Ой, разболталась я!.. Мама Ната... Предводительница велела вам явиться к ней в половину десятого. Одевайтесь! Я зайду через четверть часа и провожу вас. Сначала в трапезную, а потом к предводительнице.

Девушка ушла.

Ну что ж, сказала себе Забава, поднимаясь. Пришла пора держать ответ.

9. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья

Девушка вошла в кабинет несмело, аки невеста в дом жениха. Ручки сложены под персями, глазки настороженные...

– Звали, мать предводительница?

– Звала, милка! Присаживайтесь.

Девушка так же несмело угнездилась на краешке стула, стрельнула глазами по сторонам, оценивая убранство кабинета.

Наталья встала, обошла гостью кругом.

Да, очень симпатичная. Мужики, наверное, так и выются... И, похоже, с большим норовом. Вон каким взглядом ответила. Будто не она у меня, а я у нее на допросе. Вот такая у меня могла быть дочка...

– Кто вы, милка, такая?

Взгляд девушки погас.

– Вы меня не помните? Я – Забава Соснина. Семь лет назад вы приезжали в Борисов-на-Онеге, мать Заряна представляла вам своих учениц.

И Наталья вспомнила.

Точно, была там эта девочка... Однако как изменилась! Постойте-ка, постойте, ведь именно ее, помнится, Заряна пристроила в служанки к чародею Смороде. Ужель Мокошь привела сюда...

– Вы – служанка чародея Светозара Смороды?

– Да, – тихо пробормотала девица.

– И этот больной, которого мы приютили, – ваш хозяин?

– Да, – ответила девица еще тише.

– Что с ним случилось?

– Он ранен.

– Ранен?!

Несостоявшаяся мать в Наталье мгновенно умерла. Зато вновь проснулась предводительница Ордена дочерей Додолы.

Раненый чародей – это вам не жмурки-салки. Это необходимость немедленно вызвать стражу! Это возможные политические последствия. И не известно еще, полезные ли Ордену...

– Зачем вы привезли его сюда? У всякого чародея есть собственный врач...

– Мы ехали из-за города, когда это случилось, – затараторила чародеева служанка. – Я побоялась, что домой его не довезу. Обитель Ордена была ближе всего...

Гостя явно врала, и Наталья уже хотела вывести ее на чистую воду, но страх в девичьем голоске был таким неподдельным...

– Ну-ну, милка, успокойтесь. Вашему чародею ничего не грозит.

Гостя подняла заблестевшие глаза:

– Правда?

– Правда. Он спит. В нашей лечебнице неплохие лекарицы.

Девушка улыбнулась сквозь слезы, и Наталья вдруг поняла, что эта Забава испытывает к своему хозяину самую настоящую, благословенную Додолой, женскую любовь.

Однако чувства чувствами, а голова – головой! Служанке – свое, а предводительнице Ордена – свое...

– Что с ним такое случилось? Порезался Ритуальным Ножом?

Забава шутки не приняла:

– Я... не ведаю. Его ранили в шуйцу. Должноть, шпагой... Он – любитель такого оружия.

– Кто ранил?

– Не ведаю. – Голос девушки задрожал.

– То есть, вы не видели?

– Не видела.

Наталья нацепила на лицо успокаивающую улыбку:

– Я бы на вашем месте немедленно отвезла его домой и вызвала к нему домашнего лекаря. Мы вряд ли способны предоставить ему надлежащий уход. – И тут же продолжила жестко: – Вот только непонятно мне, милка, с чего бы это персона подобного ранга отправилась за город не в своей карете, а на городском извозчике... Может, и вовсе след стражу вызвать?

– Я прошу вас... – Голос Забавы вновь дрогнул от страха. – Не надо стражи! – Забава широко распахнула глаза. –

Ему грозит опасность! Стража не поможет!

И Наталья поняла: на этот раз девица не врет.

Что-то с этим Смородой все-таки неладно.

– Какая такая опасность может грозить чародею?

– Может! И вообще... – Забава помялась и вдруг выпалила: – Я спала с ним! У меня будет от него ребенок! Я прошу вас!

Она несомненно опять врала, но Наталью это уже не трогало.

Вестимо, приютить чародея в обители Ордене стало бы не самым дюжинным поступком, но, с другой-то стороны, и ничего противозаконного в этом нет.

Всей Словении известно, что додолки – добрые мягкие женщины, они готовы помочь любому и всякому. Ведь именно Семаргл ненавидит Додолу, сама же Додола никогда ахово к своему брату не относилась. В конце концов, обязанный своим здоровьем Ордену волшебник – это тоже не салки-жмурки. Но... Но от раненых шпагой колдунов все-таки лучше держаться подальше, тем более – от столь высокопоставленных. Он же, небось, с самим Кудесником на короткой ноге. Здесь и Великая княгиня может не защитить!

– Я прошу вас!!! – взмолилась гостя.

Наталья встала:

– Передайте сестре Иве адрес чародеева врача. Мы немедленно вызовем его сюда и передадим раненого на его попечение. Врач пусть и со стражей разбирается, коли потребно

будет. Вы же... – Наталья помедлила. – Вы, буде пожелаете, можете остаться в обители. Работа у нас найдется.

Девушка тоже поднялась, выпрямилась. Глаза ее полыхнули гневом.

– Век не останусь тут! Скорее сдохну под забором. – Она стиснула руки так, что хрустнули персты, и подбочилась. – Лучше к Марене, чем в вашу обитель! А вы... А вы еще пожелаете! Додола вас накажет!

– Ступайте прочь! – ответила Наталья величественно.

Забава, высоко вздернув подбородок, удалилась.

А Наталья, тут же выбросив ее из головы, принялась готовиться к встрече с руководительницами приютов. Ей было грустно, но решение свое она считала единственно правильным.

Впрочем, кроме грусти, ей мешало еще что-то, стучалось в мысли, и никак его было не поймать...

Без нескольких минут десять, когда пришло время перебираться в административный кабинет, на пороге без приглашения возникла Ива Алешникова.

– Мама Ната! Я полностью осмотрела больного волшебника. Оказывается, он ранен.

– Я уже ведаю о том, – сказала Наталья.

И плевать мне на его рану, хотела добавить она, но почему-то спросила:

– Что с ним случилось?

– Странная рана, мама Ната... Кабы она не была совер-

шенно сухой, я бы сказала, что его укусила собака.

– Вот как? Действительно странно... Чтобы волшебника укусила...

И тут Наталью аки перунова стрела поразила.

То, что стучалось в мысли – полузабытое, ранее никогда не требовавшееся знание, – всплыло вдруг в ее памяти.

Она пошатнулась, вцепилась в крышку стола, опустилась в кресло и чуть слышно прошептала:

– Великое Прорицание... О Додола-заступница!

Сестра Ива расслышала только «О Додола-заступница!» и бросилась к предводительнице:

– Что с вами, мама Ната? Вам ахово? Нужна помощь?

Однако Наталья уже справилась с собой:

– Нет. Со мной все хорошо. Ступайте. Хотя нет... – Она помедлила, собираясь с мыслями. – Позаботьтесь, чтобы, кроме нас двоих и ночной дежурной, никто в обители не знал о нашем больном. А о служанке его я сама позабочусь. Я имею в виду нашу ночную гостью.

– Хорошо, мама Ната.

Ива вышла.

А Наталья велела объявить ожидающимся приема, что онный переносится на одиннадцать часов.

10. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Забава

Как все-таки переменчива жизнь-матушка!

Еще полчаса назад, вернувшись в отведенную ей каморку, Забава рвала и метала.

Я ей покажу, уверяла она себя. Эта сука век у меня жалеть будет! Я подстерегу ее где-нибудь в городе – и кинжал под левую лопатку! Я удавлю ее голыми руками! Я отыщу в новгородских ночлежках какого-нибудь татя, заплачу ему – сколь бы сие не стоило! – и попрошу выкрасть ее. А потом четвертовать. Сама же буду сидеть рядом, слушать, как она вопит от страха и боли, и смотреть, как ей отрубают руки и ноги. И дождусь того момента, когда Марена заберет ее к себе, а от этой суки останутся одни лишь окровавленные куски. Я заберу эти куски и зарою на собачьем кладбище...

Четверть часа спустя Забава рвать и метать перестала.

Знамо дело, никого она не подстережет. Не будет ни кинжалов, ни удавки из голых рук. Татя-душегуба тоже не случится. А значит, остается последнее – молиться Додоле. Ведь на то она и Заступница, чтобы вступить за сирых, убогих и обиженных Мокошью людей.

И потому Забава пала на колени. И молилась, молилась, молилась...

А пять минут назад эта сука самолично вперлась в Заба-

вину каморку.

– Я передумала, милка, – сказала она. – Ваш хозяин и вы получите приют в нашей обители.

И тогда Забава снова пала на колени. На этот раз к ногам этой суки... нет, матушки-благодетельницы, спасибо вам, мать Наталья, век благодарна буду, можете присно рассчитывать на мою помощь, какая бы ни потребовалась...

– Встаньте, дитя мое! – оборвала Забаву предводительница Ордена. – Я все-таки не богиня, а человек.

Забаву поднялась с пола, все еще лепеча слова благодарности, но уже стыдясь своего отчаянного низкопоклонства.

– Скажите мне, милка... – Мать Наталья села на табуретку, помолчала, словно собираясь с силами. – Вашего хозяина ведь покусала собака, не так ли?

Забаву вдруг поняла: предводительнице важно именно это. Буде *Светушку покусала собака*, они получают приют и защиту Ордена, буде же нет... Кинжал в спину, удавка из голых рук, тать в ночи...

– Да, – прошептала она. – Моего хозяина покусала собака.

– Как это произошло?

– Не ведаю... Он вернулся домой весь в крови и сказал, что на него напал пес. Кажись, доберман... Все домашние спали... Я почему-то побоялась их будить... – На Забаву снизошло странное вдохновение, и она принялась лгать увлеченно, будто излагала пережитое. (А может, оное вранье и было пережитым!) – Побоялась я сбежать и за врачом...

Не знаю – почему. Просто побоялась! И решила привезти хозяина сюда. Ведь додолки ввек никому не отказывают в помощи...

– Вы все правильно сделали, милка. Не волнуйтесь! Мы защитим его от любой опасности. По крайней мере, на время... Орден, вестимо, не Колдовская Дружина и не Словенская Рать, но у нас тоже есть какие-никакие силы. Мы находимся под опекой самой Великой княгини! Так что можете жить спокойно. – Предводительница улыбнулась. – А почему вы заявили мне, будто у вас будет от него ребенок?

К Забаве неожиданно пришло ясное понимание, что на сей раз надо говорить правду.

– Про ребенка я соврала, – пролепетала она. – Чтобы вы позволили нам остаться. Ведь Додола требует от нас, дабы мы совращали волшебников... Но я действительно спала с ним. У моего хозяина появилась мужская сила. И, по-моему, разбудила оную силу я. Вот токмо дети от него родиться не могут.

– Почему вы так решили? – Глаза матери Натальи излучали интерес и участие.

– Я много раз спала с ним во время зеленца. Но чрево осталось порожним. Поэтому я отправилась к женскому лекарю. Лекарь сказал, что со мной все в порядке, причина бесплодства – в моем... э-э... муже. – Забава осмелилась улыбнуться, но почувствовала, что улыбка вышла жалкой и вино-

ватой.

Предводительница улыбнулась в ответ ободряюще:

– И с ним ничего не случилось? Он не потерял своей волшебной Силы?

– Нет. А разве он должен был ее потерять?

Мать Наталья снова улыбнулась:

– Не должен, не должен. Вы все правильно сделали. Вы – первая, кому удалось соблазнить чародея. О других таких я не ведаю. По крайней мере, в последние лета о них никто не слышал. – Предводительница погладила Забаву по голове. – Вы, милка, – истинная додолка. Я горжусь тем, что мы сумели воспитать такую женщину.

Забаве показалось было, что ей льстят, но с какой бы стати глава Ордена принялась льстить одной из недавних его воспитанниц?..

– Я вовсе не старалась его соблазнить, – смутилась Забава. – Я просто его очень, очень, очень люблю. Он совсем не такой, как прочие колдуны. Он добрый и ласковый.

– Да-да, я все понимаю. – Мать Наталья еще раз ободряюще улыбнулась. – Кому-либо ведомо о том, что происходило между вами и чародеем?

– Ни единой душе! – Забава помолчала секундочку, раздумывая, след ли рассказывать предводительнице о мышинном жеребчике. И решила – не след. – Вы первая, кому я поведала свою историю.

Теперь задумалась – и очень надолго! – мать Наталья.

Забава терпеливо ждала, понимая, что у предводительницы Ордена дочерей Додолы имеется множество причин для размышлений.

– Хорошо, – сказала наконец мать Наталья. – Вы останетесь в обители. И вот еще что... – Она понизила голос. – Вы ведь догадываетесь, милка, что у вашего хозяина есть враги. А потому никто не должен знать о том, что он здесь.

– Может, обратиться к нашему судебному заступнику? – робко предложила Забава. – Он справно знает свое дело.

– Судебный заступник ничем вашему хозяину не поможет. – В голосе предводительницы прозвучала такая уверенность, что Забава враз ей поверила. – О том, что чародей находится в обители, никто за ее стенами не должен знать. Своих людей я предупредила. Молчите и вы. И обо всем остальном, что мне поведали, молчите. Кстати... Извозчик, с которым вы приехали, ведал, кого он везет?

Забава похолодела.

Сказать «да» – неизвестно, как все обернется. Впрочем, известно!.. Попросят их отсюда, в силу обычной осторожности попросят. Сказать «нет»?.. Она чувствовала, что на этот раз «нет» прозвучит неубедительно. И это в тот самый момент, когда, кажись, все идет на лад!..

– Не ведаю, – прошептала она. – Извозчик видел то же, что видели ночью и вы. Разве токмо ему было известно, кто именно живет в нашем доме... – Она протяжно вздохнула. – Не ведаю.

На этот раз предводительница не задумывалась.

– Ладно, – сказала она. – Будем надеяться на лучшее. Извозчикам все равно, кого они возят. – Мать Наталья встала. – Теперь вот что... Хотя я, милка, и восхищена вами, в обители не принято бездельничать. Работа на кухне вам, надо полагать, хорошо знакома, и потому...

– А можно, я лучше буду сиделкой при моем хозяине? Ведь ваша лекарица не сможет находиться с ним бесперечь. А мне кажется, при нем все время кто-нибудь должен быть. И потом... К нему ведь негоже допускать посторонних людей! Тех, кому не стоит знать лишнее...

– Ладно, – великодушно согласилась предводительница. – Вы правы. Я немедленно распоряжусь, чтобы вас определили в сиделки к новому больному.

Предводительница, величественно кивнув Забаве, удалилась по своим предводительницким делам.

А Забава, быстро отрадовавшись ее решению, подумала о том, сколь же переменчива жизнь-матушка.

11. Взгляд в былое. Ива

В следующий раз изумрудный туман пришел к ней в тринадцать лет.

Ива и Машка Укропова играли после ужина в своей камерке.

Знамо дело, воспитанницам вяткинского приюта Ордена дочерей Додолы запрещалось играть («баловаться», говорила мать Надежда) перед сном, но как удержишься...

Обе только что втайне от матери Надежды прочли «Предошущение любви», роман в стихах ключградской сочинительницы Тихомиры Китай-Городовой, и восторг переполнял их до краев.

Ива представлялась Зоренькой, а Машка – глупым слепцом Пересветом. Решили соскоморошничать заключительную сцену романа – когда прозревший, наконец, Пересвет Кулик объясняется в любви Зореньке Зайцевой.

Финальное объяснение заставляло колотиться девчоночьи сердца, когда книга еще только читалась. Колотились оные сердца и теперь.

– Пошто я бёг от вас? – декламировала Машка-Пересвет. – Чего искал в подлунной? Ведь вы – мой идеал, я не могу без вас.

А плачущая от счастья Ива-Зоренька молча обнимала суженого за шею.

Она и сама не заметила, когда утонула в изумрудном тумане.

Резануло грудь. Потом туман превратился в нечто плотное и холодное, и она забарахталась в этом холоде, то выныривая на поверхность, то вновь погружаясь во враждебную плоть. Она слишком поздно поняла, что вокруг вода – намокший подол сарафана уже обмотался вокруг головы. Сердце рвалось из груди, его удары становились все громче и громче, и после очередного вдоха, когда холод хлынул в грудь, она завопила от ужаса...

Перепуганная Машка позвала на помощь.

Иву, которую бесспорно была лихоманка, отправили под надзор к приютской лекарице, а признавшуюся в «баловстве» Машку даже не наказали.

Ива не поведала лекарице о тумане, и та – не найдя «отклонений в состоянии девочки», но, порядка ради, продержав ее два дня в постели – была вынуждена отпустить больную подобру-поздорову.

Никто столь не радовался возвращению Ивы, сколь Машка...

А через седмицу Мария Укропова при так и невыясненных обстоятельствах утонула в Вятке.

Ее тело нашли через пять дней ниже по течению. Вокруг головы девочки обмотался подол сарафана.

Впредь ходить на реку в сарафанах воспитанницам приюта было строжайше запрещено.

Марию похоронили.

Безутешная Ива тем же вечером рассказала матери Надежде, что она испытала в той игре с мертвой ныне подружкой.

Мать Надежда, как могла, успокоила девочку.

Но еще через седмицу поезд вез мать Надежду и Иву в Новгород.

— Мы едем к матери Наталье, — сказала мать Надежда.

А Иве было плевать на сию новость — гораздо важнее всяких там наталий оказалось то, что рядом с нею не сидела Машка. Это переполняло девчоночью душу невыносимой печалью.

* * *

Предводительница Ордена дочерей Додолы оказалась высокой женщиной с грустными очами и добрым голосом.

Она встретилась с малолетней гостьей в первый же вечер. Поинтересовалась успехами воспитанницы в учебе. А потом попросила мать Надежду оставить ее с Ивой наедине.

Едва мать Надежда удалилась, предводительница сказала:

— Поведайте мне, сестрица, о вашей игре с девочкой, которая позже утонула в реке. Она ведь была ваша подружка?

— Она была моя подружка, — откликнулась Ива. И поведала.

Мать Наталья выслушала ее очень внимательно. А выслу-

шав, надолго задумалась.

– Вы ведь учились допрежь у колдуньи? – спросила она наконец.

– Да. У бабы Любы.

– И чему она вас научила?

Ива рассказала.

Мать Наталья позвонила в колокольчик.

– Пришлите ко мне сестру Рогнеду, – сказала она появившейся на пороге девице.

Через несколько минут вошла еще одна девица.

– Звали, мать Наталья?

– Покажите-ка, милка, вашу рану.

Сестра Рогнеда приблизилась, подняла забинтованную шуйцу, размотала бинт. У основания большого перста зиял глубокий порез. Видимо, от кухонного ножа...

– А вы, сестрица, покажите свое умение.

Заговаривать раны Ива научилась давно. Заговор был первым, во что посвятила ее баба Люба.

Через пять минут стремительно затягивающийся порез сестры Рогнеды уже покрылся молодой розовой кожицей. А еще через пять минут на его месте остался лишь небольшой белый шрам.

Мать Наталья некоторое время цокала языком, осматривая былую рану.

– Вы свободны, сестра Рогнеда. Заутра можете приступать к обычным хозяйственным работам.

Девушка подобрала окровавленный бинт и скрылась за дверью.

Мать Наталья повернулась к Иве:

— Вас ведь не водили к чародею, сестрица?

— Нет. Мама не успела, а баба Люба сказала, что от чародея проку не будет. Что она обучит меня ведовству лучше всяких чародеев. — Ива вдруг захлопала носом. — А потом взяла да умерла...

Мать Наталья встала, вышла из-за стола, прижала к груди Ивину головку.

— Ну-ну, не плачьте, милка. У нас вам будет всяко не хуже, чем у бабы Любы. Будете жить в обители Ордена...

В сердце Ивы хлынула полноводная благодарность.

И сама не ведая почему, девочка рассказала предводительнице о том, что произошло за седмицу до смерти родителей.

* * *

Утром на следующий день мать Надежда уехала назад, в Вятку, без своей воспитанницы.

А предводительница пришла в Ивину каморку.

— Как вам тут, дитя мое? Не слишком одиноко?

Ива вскочила со стула:

— Спасибо, мать Наталья. Все справно.

Все и вправду было справно, несмотря на отъезд матери

Надежды.

За прошедший вечер к Иве забежало несколько сестер – излеченная сестра Рогнеда успела разболтать о гостье по всей обители. И к ночи у Ивы было уже несколько подруг, готовых ради нее на все. Так, по крайней мере, уверяли излеченные.

В общем, одиночеством здесь и не пахло.

– Чем бы вы, Ивушка, хотели заняться?

Этот вопрос ныне уже не вызывал у Ивы никаких проблем.

– Я хочу лечить людей.

– Хорошо, милка. Самое для вас дело! Вы будете работать в нашей больнице. Мы лечим не только своих сестер, но и всех бедняков в округе. Не у каждого из новгородцев есть деньги на личного врача.

– Спасибо!

– Это еще не все, – продолжала мать Наталья. – У меня есть знакомая ведьма. Я договорилась. Вы будете продолжать обучение у нее. Ведь учебники Колдовской Дружины нам, увы, недоступны.

– А почему? – спросила Ива.

Мать Наталья усмехнулась:

– Наверное, чародеи боятся, что мы можем оказаться сильнее. – Она помолчала. – А впрочем, вам пора знать правду. К сожалению, Талант женщин от их взаимоотношений с мужчинами умирает.

– Век не буду иметь взаимоотношений с мужчинами, – выпалила Ива.

– Вы хотите стать ведьмой?

– Да! Очень хочу!

– Что ж, я помогу вам. И пусть вы не станете ведьмой...

В любом случае, из вас получится хорошая лекарица.

– Я стану ведьмой! – Ива упрямо наклонила голову. – Обязательно стану!

– Хорошо, хорошо... – Мать Наталья улыбнулась доброй улыбкой. – А теперь расскажите, в какой именно момент у вас возникали те... видения, о которых вы мне поведали. Что вы делали?

– Обнимала маму. И Машку тоже. А они меня целовали.

– Меня можете обнять?

– Знамо дело, могу.

– Давайте.

Мать Наталья одарила Иву поцелуем, а та обняла предводительницу за шею.

Изумрудный туман не появился.

– Ничего?

– Ничего, – сказала Ива.

Мать Наталья надолго задумалась. А потом спросила:

– Что происходило еще? Вы что-нибудь ощущали?

Иве эти расспросы вдруг надоели.

– Ничего я не ощущала!.. Просто я... Просто я любила их.

И маму, и Машку. Очень любила!

Мать Наталья тяжело вздохнула.

А Ива неведомо почему сказала:

– Я и вас полюблю! Вот увидите!

Предводительница снова улыбнулась, но теперь улыбка казалась грустной. Словно мать Наталья жалела о чем-то...

– Хорошо, милка! Учитесь на здоровье. Я никому не дам вас в обиду!

* * *

Ива полюбила предводительницу не вдруг.

Нет, мать Наталья очень хорошо относилась к девочке. Но что-то между ними стояло, и это что-то находилось внутри самой Ивы. То ей вдруг приходило в голову, что ее любовь к предводительнице не понравилась бы маме, той маме, настоящей, сгоревшей в пламени зимнего пожара. Или начинало казаться, что за вниманием предводительницы скрывается какая-то игра, притворство какое-то. Как у самой Ивы, когда она уверяла настоящую маму, будто ей нравится смотреть, как та печет папе пирожки. Она знала, что маме понравятся сии слова – потому и говорила... Хотя с гораздо большим бы удовольствием сбежала на любимый луг, к своим божьим коровкам.

Вот и предводительница говорила Иве слова, которые должны были понравиться девочке, но что думала мать Наталья на самом деле...

Жизнь шла своим чередом.

Ива лечила порезы; училась грамоте, арифметике и прочим наукам в обительской школе; в первицу, среду и пятницу ходила к тете Гориславе, перенимала у нее колдовские чары и заклинания.

Предводительница раз в седмицу посещала девочку, интересовалась Ивиными делами, подолгу беседовала с нею.

Беседы касались самых разнообразных тем – любви и семейной жизни, Додолы и остальных словенских богов, нынешнего Великого князя и Чухонской войны. Только утопленница да сгоревшие родители ввек не упоминались собеседницами...

Постепенно Ива почувствовала, что уже не может обойтись без этих бесед. Более того, всего через пол-года она обнаружила, что эти же самые разговоры на эти же самые темы с кем-либо из обительских сестер не доставляют ей того удовольствия, что вызывала беседа с матерью Натальей... Впрочем, нет, не с матерью... С мамой Натальей! А порой – и с мамочкой Натой!

Ива часто думала о той, первой беседе. И довольно быстро сообразила, что предводительница полагает, будто новоиспеченная сестрица способна заглянуть в будущее человека, которого любит...

Но почему же, в таком случае, ничего подобного не происходило при обниманиях с папой? Ведь папу Ива любила гораздо больше мамы!

Как бы то ни было, а девчоночье сердце долго без любви не живет. Скоро Ива полюбила мамочку Нату.

И *это* произошло. В тот самый день, когда тетя Горислава явилась в обитель, встретилась с предводительницей и похвалила девочку за усердие и упрямство.

Мамочка Ната, вестимо, передала хвалу виновнице, и та, не удержавшись, в восторге повисла у предводительницы на шее.

Изумрудный туман не заставил себя ждать.

А потом Ива обнаружила себя сидящей на койке в незнакомой светлице с зарешеченными окнами. На руках у нее был конверт, в каком сестры-матери носят своих детей. Из конверта торчала кукольная головка с нарисованными голубыми глазами. У Ивы были тяжелые женские перси, левая оказалась оголенной, с непривычно большим коричневым соском. Ива пыталась сунуть сосок в нарисованный кукольный ротик.

– Баю-баюшки-баю... Что же вы не едите, радость моя? Хватит спать, надо кушать...

Откуда-то доносились негромкие голоса, Ива хорошо их слышала, но смысла не понимала.

– Депрессивный синдром при наличии галлюцинаций...

– Может, отобрать у нее куклу?

– Уже пробовали... Наблюдается мгновенный всплеск агрессивности, направленный на всех окружающих...

А ребенок по-прежнему отказывался есть.

– Помогите же мне, пожалуйста! – сказала Ива. – Он болен. Иначе бы он ел... Помогите! Он не должен отказываться от моего молока!

Нарисованные глазки не мигая, равнодушно смотрели сквозь нее.

И тогда она взбесилась.

– Я ненавижу вас! Вы – проклятые ублюдки! Чтоб вас мамы забрали!

Она ожесточенно дралась со всей подлунной, пока ее не стиснули в жестких объятиях и не укололи больно в предплечье...

Пришла она в себя от того, что ее часто-часто трясли за рамена. Открыла глаза.

Перед нею на коленях стояла мамочка Ната.

– Ну же, Ивушка, вы видели? Что вы видели?

Ива устало опустилась на стул.

– Видела... Я видела, как вы кормили персью...

Она чуть не брякнула «куклу». Но что-то помешало ей: слово прямо-таки застряло в горле, перехватило дыхание.

Предводительница по-прежнему стояла на коленях – словно молилась перед кумиром Додолы.

Ива откашлялась:

– Я видела, как вы кормили новорожденного ребенка. – Она посмотрела предводительнице прямо в глаза. И вдруг, сама не ведая зачем, добавила: – А рядом с вами была я.

Испуганно замолкла, ожидая, что за разоблачением дело

не задержится. И обмерла – в самой глубине глаз предводительницы плескались столь безудержные радость с надеждой, что Ива поняла: даже на смертном одре она не скажет мамочке Нате правду.

Ввек!

12. Взгляд в былое. Век 76, лето 3, вересень: Наталья

В пятницу утром Наталья поднялась в самом раскрепощенном настроении. Душа ее пела.

Запланированные на предстоящий день дела не казались ныне обременительными. Индо мысли о бесплодстве убежали куда-то далеко, за пределы подлунной. Ее совершенно не трогало, что на улице с утра идет дождь. А главное, она была уверена, что приняла вчера правильное решение, и оной уверенности минувшие сутки ничуть не поколебали.

Отныне жизнь ее обрела новый смысл, и Наталья не могла не думать об этом.

Сколько поколений простых додолок, ни сном ни духом не ведавших о Великом Прорицании, появились на свет, в должный срок родили своих детей и в должный срок отправились к Марене! Сколько предводительниц, тайно знавших о нем, но вынужденных относиться к Великому Прорицанию как к давней легенде, поменяло друг друга! С нею все случилось не так – ведь пришествие в мир Волшебника С Собачьей Раной выпало именно на ее срок!

И отныне главная задача – всячески помогать Ему в начинаниях Его!

Но допрежь всего надо, чтобы Он встал на ноги, чтобы враги не нашли Его раньше времени, ибо волшебник без со-

знания – есть бессильный волшебник, не способный защититься не токмо от заклятий себе подобных, но и от простого подосланного душегубца с обыкновенным столовым ножом.

Сначала она хотела было обратиться к Великой княгине с просьбой немедленно организовать охрану обители – причину придумать несложно, – но поразмыслив немного, поняла, что именно подобные меры быстро наведут гипотетических противников на след Волшебника. И потому решила оставить все как есть.

Вестимо, буде Его принялись искать – так рано или поздно найдут. А сыск наверняка начнут с извозчика.

Знамо дело, определить трибуну, привезшую в обитель ночных незнакомцев, – задача не простая, но страже вполне доступная. Через какое-то время сыск свершится, извозчика найдут, и местоположение чародея Смороды сразу станет его врагам известным.

Весь вопрос – решатся ли они проникнуть в обитель немедленно? Буде бы ведали о Великом Прорицании, решились бы непременно, а так... Вряд ли кто, кроме Святослава IX Рюриковича, способен из-за судьбы какого-то там чародея, коими в Словении пруд можно запрудить, поссориться с самой Великой княгиней... Так что несколько спокойных дней у нас есть.

А когда Он придет в себя, многое прояснится и многое же перестанет зависеть от нее, предводительницы. Значит, главное сейчас одно – побыстрее поставить Его на ноги.

И потому Наталья решила, что Ива Аллюшникова немедленно перестанет заниматься прочими своими пациентами и сосредоточится исключительно на лечении больного чародея. А для других лекариц следует распусть слух, будто сестра Ива занимается излечением самой предводительницы – прихворнула наша мать, сестры, да помогут ей Сварожичи...

С этой же целью Наталья решила снизить на ближайшие несколько дней привычную административную активность, пореже появляться перед сестрами-додолками, переложив некоторые свои обязанности на товарку предводительницы Волю Капустину. В молчании товарки Наталья была уверена как в своем собственном – слишком уж многим обязана предводительнице бывшая мастерица Ночного Колдовства, приторговывавшая продажей своих ведовских способностей ночным татам, опосля нескольких дерзких краж заинтересовавшая своей персоной сыскников-волшебников министерства охраны порядка и очень своевременно изнасилованная опившимся вдрызг последним поделыщиком. Лишившаяся своего Таланта Воля той же ночью отправила к Марене не успевшего проспаться поделыщика, отрезала ему перунов корень и скрылась от сыскников-волшебников в обители, правдиво поведав предводительнице Ордена всю свою несправедную историю. Предусмотрительная Наталья, поразмыслив, дала душегубке приют – всякое в судьбе бывает, авось несправедница когда и пригодится.

Неблагие дела в обычной жизни очень часто оказываются исключительно благими в политической.

На Великую-то княгиню, милка, надейтесь – да и сами при том не плошайте!.. Ко всему прочему, сестра Воля оказалась весьма способной руководительницей, а главное – ввек не задавала своей спасительнице лишних вопросов, прекрасно помня главную заповедь новгородских татей «За многими знаниями – многие печали»...

Решив «заболеть», Наталья тут же развила тайную, но энергичную деятельность. Забаву определили в помощницы к сестре Иве, отвели свободную палату рядом с той, где лежал бездвижный чародей, и вскоре новая сиделка приступила к своим обязанностям. Сестра Воля Капустина обрела новые заботы, а сестра Ива Алюшникова утратила старые, передав своих пациентов двум другим лекарицам обители и немедленно занявшись излечением неожиданной хвори у предводительницы.

А опосля обеда Наталья заполучила от судьбы новый знак. У нее вдруг, совсем не в должное время, начался очередной зеленец. И хотя у женщин ее возраста подобные сбои происходят сплошь и рядом, Наталья посчитала случившееся за благосклонный взгляд Мокоши.

При летошнем зеленоце, как и в былые времена, обретя зелень в глазах, Наталья по вечерам переодевалась в простое платье и отправлялась на новгородские улицы. Знамо дело, она не походила на охотную бабу – те во время зелен-

ца непременно предохраняются, – но любовника находила быстро.

Какой словен откажет зеленоглазой словенке в ее откровенном желании заполучить в утробу семя! Не повезло голубке – муж не плодоносен, лекари бессильны, а ребенка обрести хочется... Святое дело, ребята!

Для подобных вылазок специально снимался номер в гостевом доме – из посторонних доступ в обитель имели только хворые, – и, намиловавшись со случайным любовником и заимев в чрево его семя, Наталья под утро возвращалась в обитель.

Так было раньше...

Сестра Воля сразу заметила, что у предводительницы позеленели глаза, и явилась за привычными распоряжениями. Но на сей раз оных не последовало.

– И введете его в искус, – произнесла предводительница непонятную Воле фразу. И добавила: – Вы свободны, милка. Занимайтесь делами. Ныне мне ваша помощь не надобна.

Вестимо, сестра Воля изрядно подивилась. Но ушла молча.

А Наталью обуяло возбуждение, связанное отнюдь не только с зеленцом.

«И введете Его в искус», – повторяла она себе снова и снова. «И введете Его в искус!...»

Она уже была уверена, что у нее нет другого пути, кроме как ввести *Его* в искус. Оставалось лишь дождаться, когда *Он*

придет в себя и получит возможность в оный искуc ввестись. Но тут все от нее зависящее Наталья уже сделала.

Далее решали лекарские способности сестры Ивы Алешниковой, любовь к хозяину Забавы Сосниной и собственные жизненные силы Его организма.

А Наталье оставалось ждать.

Ждать и надеяться – удел, не присущий додолкам. Додолки привыкли брать свою судьбу в собственные руки. Но теперь Наталья была не просто додолка и не просто предводительница Ордена.

Теперь она была единственным человеком во всей подлунной, ведавшим, что Великое Прорицание сбылось и Он, наконец, пришел.

13. Взгляд в былое.

Век 76, лето 3, вересень

Свет тонул.

Но не в кладезе...

Вокруг простирался бездонный океан, имя коему было «Снежана». Вода оказалась теплой и мягкой, будто согретая на ночь постель. И, по большому счету, утонуть в такой воде мог только совсем уж законченный женоненавистник.

Свет себя женоненавистником вовсе не считал. Но – тонул.

И утонул бы, не проснись перед тем, как захлебнуться окончательно.

Первое, что он ощутил наяву, была боль во всем теле. Она не позволила ему пошевелиться, однако через некоторое время он понял – гараже всего болит шуйца.

Как ни странно, это понимание обрадовало его. Ибо, как ему показалось, означало, что прочее должно быть целым и невредимым. Буде и присутствуют другие источники боли, то они невелики.

Потом он вспомнил, при каких обстоятельствах поранил шуйцу, и явилось второе ощущение – тревога. Легкая, как сигнальное заклятье, но явственная...

И потому он даже не открыл глаз. Зато немедленно включил Зрение.

Заклинание получилось странным: Свет не увидел аур находящихся поблизости людей – а может, их попросту не было? – зато почувствовал, как его чела коснулись прохладным и влажным.

И тут же пришли новые ощущения.

Под затылок проникло теплое и мягкое – океан «Снежна»? – голову Света приподняли...

– Попейте, любя мой, – сказал чей-то ласковый голос, далекий и очень знакомый. – Откройте рот.

Забава, понял Свет.

Он разжал губы и сделал глоток. Вкуса не почувствовал, но глотнул во второй раз.

Кажется, теплый сладкий чай...

Где это я? Наверное, дома, коли тут Забава.

На третий глоток сил не хватило.

И наступила тьма...

* * *

Свет был волкодлаком.

И готовился к схватке, которая, по всему, обещала стать смертельной – пасть супротивника извергала грозное ворчание, длинный хвост хлестал по бокам, шерсть на могучей холке дыбилась.

Бросок не заставил себя ждать, но Свет успел подставить-ся левым боком.

Острые зубы полоснули переднюю лапу. Боли почему-то не родилось.

Свет извернулся и мертвой хваткой вцепился супротивнику в глотку...

Через несколько мгновений все было кончено. Тело поверженного врага судорожно задергалось и обмякло.

Свет поднял морду к небу, испустил короткий победный рык. И только тут лапу пронзила боль, от которой зашлось сердце.

Надо было срочно превращаться и уносить ноги – ведь человеку для этого достаточно задних конечностей. Формула обратного заклинания сияла в мозгу, аки путеводная звезда в чистом поле безлунной ночью. А волчья пасть оказалась вполне способной на акустические манипуляции...

Однако человеком Свет не стал.

Дремучий лес окрест поляны заколыхался, скукожился и растворился в нахлынувшей неведомо откуда сутеми. Вокруг поплыли неясные образования, похожие на бесформенные тени. Время от времени они являли Свету свою истинную сущность – тут вот клочок серебристой паутины, там шматок солнечного дня, а чуть далее обрывок внезапно рождающегося страха – и через мгновение вновь обращались в тень.

Свет неспешно плыл среди сутеми, разглядывая новоявленных соседей с любопытством и недоверием.

Когда именно «тени» стали цветными, он не заметил.

Вроде бы только что они лишь чуть отличались от окружающего пространства, а вот уже сверкают диамантовыми иглами, лучатся смарагдами, истекают бирюзой...

Далеко впереди возникла голубая искорка, медленно разгорелась, превратилась в горошинку, в вишенку, в арбуз.

Странное шарообразное создание неотвратимо плыло навстречу, вскоре Свет приблизился к нему, бесстрашно коснулся. И тут же понял, что перед ним зеркало, перегораживающее обретенное жизненное пространство, а таинственный голубой шар – он сам, волею Мокоши и милостью Семаргловой чародей Светозар Сморода.

Потом зеркало исчезло.

Открылись безграничные дали, вокруг зароились новые разноцветные «тени». «Тени» приобретали объем, становились фигурами. Вот пролетел мимо куб, вот бублик, через секунду с трудом удалось увернуться от иглоподобной вершины длинной острой пирамидки...

А потом впереди загорелась еще одна искорка. Свет сперва решил, что его опять несет к знакомому зеркалу, однако новый шар не был голубым. Он сиял сиреневым, и, едва приблизившись, Свет почувствовал приятный запах и ласковое тепло.

Коснуться шара почему-то не удавалось – он словно избегал Света, рея вокруг, выписывая пируэты, то удаляясь прочь, то вновь подкрадываясь.

Будто Свет играл с ним в салки...

А засалить сиреневого требовалось!

Свет и сам не ведал, откуда к нему пришло это знание, но было совершенно ясно: не притронуться – многое потерять. Нет, не жизнь – шар казался безопасным, аки одинокая снежинка в небесах, как слетевший с березы осенний лист...

И Свет сотворил заклятье на неподвижность. Заклинание было из сферы Ночного волшебства, Свет ввек не применял его на людях. Впрочем, ведь сиреневый шар не был человеком, а коли вы только что побывали в шкуре волкодака, вам нет смысла бояться Контрольной комиссии из-за такой вот мелочишки...

От Света ринулась к сиреневому трехцветная – лимонный, лазоревый, бежевый – узкая ленточка, похожая, правда, скорее уж на раскрашенное лезвие шпаги, чем на украшение, какое женщины испокон веку заплетают в волосы.

Она была стремительна, будто удар все той же шпаги. Но перед сиреневым шаром вдруг выросла угольно-черная полусфера.

И едва коснувшись ее, трехцветное лезвие смялось, вспыхнуло, разлетелось искрами, которые тут же погасли.

Черная полусфера исчезла. От сиреневого шара пошли туманные волны. Казалось, это колыхается вокруг само пространство. Волны надвигались на Света, но он по-прежнему не чувствовал угрозы. И потому не испугался.

Наконец первая волна коснулась Света и превратилась в знакомый голос.

– Я не испытываю к тебе ненависти, – прозвучало по-варяжски. – В конце концов, кабы ты не убил меня, я бы проделал это с тобой. У нас была честная схватка, в равных условиях, один на один.

Почему-то Свет не удивился. Но – по-варяжски же – возмутился:

– В равных условиях?! У тебя странные представления о честности!.. А кабы я не сумел обрести схожий с твоим облик? А кабы ты не промахнулся?

В знакомом голосе послышался легкий смешок.

– Тогда бы мы сейчас поменялись местами. Победителей, как известно, не судят. Хотя, итог мог быть и другим. Думаю, тебя спасла моя самоуверенность. Проведи я схватку по-другому, у чародея Смороды вряд ли бы появился шанс. Сейчас бы я провел ее совсем иначе...

Светово возмущение прошло.

В конце концов с ним разговаривал неживой уже человек. Должно быть, существует и такое заклятье... Стоит ли удивляться подобному, коли вы оказались способны влезть в шкуру волка?! Или... Может, передо мной та самая душа, в которую верят христиане? Ведь варяжский лазутчик был христианином. Говорят, вера способна наделить человека многими достоинствами. К примеру, той же душой... Кто ведает? Не верь мы в собственный Талант, смогли бы оперировать волшебными атрибутами? Я бы не сумел ответить на подобный вопрос. Тем более теперь...

– Зачем ты все это говоришь мне?

– Не знаю, – сказал сиреневый шар. – Наверное, потому что ты стал моим волком Фенриром.

Кажется, что-то из варяжского эпоса, вспомнил Свет. Вроде имелся там среди героев такой зверюга...

Он хотел пожать раменами, но вспомнил, что для голубого шара вряд ли осуществимо подобное желание.

– Ладно, – продолжал сиреневый. – Жаль, для нас двоих не было места в мире.

– Ты уверен? – сказал Свет. – А может, в этом и была твоя главная ошибка?

– Не думаю... Иначе бы Великий Альфар не наложил бы на меня свое заклятье.

К Свету вдруг явилась интересная мысль, и он немедленно облек ее в словесную форму:

– Если в мире есть место и для нашего Кудесника, и для вашего Великого Альфара, почему там не могут жить еще двое подобных? А если вспомнить германского Гроссмейстера... Или итальянского Супермагико...

– Не знаю, – сказал сиреневый. – Мне эта мысль не приходила в голову...

– А мне вот пришла!

– Ты старше меня. И опытнее... Наверно, есть во всем этом какая-то тайна, но не мне ее разгадывать. – Сиреневый помолчал некоторое время, словно прислушивался к чему-то. – Кажется, мне недолго осталось. Об одном жалею...

не смогу отомстить Великому Альфару...

— Ну, не расстраивайся так! Рано или поздно вы встретитесь... Где там у вас встречаются? Не в Вальхалле?

— Вальхалла — это для убитых героев, а мы...

— Ты-то вполне сойдешь за убитого героя, а что касается вашего Альфара...

Свет не договорил — сиреневый шар вдруг взорвался.

Правда, взрыв был беззвучным и беспламенным. И однонаправленным, потому что с того места, где он только что висел, неслись в сторону Света многоцветные ленты, спиральки, нити, тесемки.

Угрозы не ощущалось.

Впрочем, Свет все равно не успел испугаться, когда вся эта радужная туча угодила в него, прошивая насквозь его голубое тело. Свет машинально оглянулся, однако позади было чистое серое пространство, лишь в отдалении плавали кубы, параллелепипеды и прочие тела, изучаемые школьной наукой дюжины людей.

В утробе Света вдруг стало горячо и тесно, будто он мгновение назад обзавелся внутренностями. Что-то вертелось там, тряслось и шевелилось, бесшумно и осторожно искало некую цель, задевая Светову оболочку, устраиваясь поудобнее, становясь родным и близким. Становясь своим...

И когда все затихло, Свет вдруг понял, что набор волшебных манипуляций, которым обладал досель чародей Сморода, существенно пополнился.

Формулы новых заклинаний угнездились в его мозгу, как книги на библиотечной полке. Здесь были и совсем простенькие заклатья, и посложнее, и чудовищные многоступенчатые, с коими, наверное, и за половину суток было не управиться. От многих явно пахло Ночным волшебством, но Света больше не трогало подобное происхождение магических инструментов. Более того, душу его наполнили восторг и ощущение силы.

С этим ощущением он и растворился во мраке.

* * *

Во мраке Свет пребывал недолго – всего несколько мгновений.

Однако вокруг все изменилось самым кардинальным образом...

Он почувствовал это сразу. Потому что не было кругом ни сиреневых шаров, ни бубликов, ни пирамидок. И ощущения безграничного пространства тоже не было. Зато где-то поблизости раздавался странный шум. А спиной Свет чувствовал присутствие ложа, самого обычного ложа, человеческого, мягкого и влажного от пота. А рядом с человеческим ложем, как правило, находятся люди. А люди бывают не только друзьями, но и смертельными врагами. И потому Свет немедленно включил Зрение.

Заклинание получилось почему-то неуклюжим, будто ди-

тя-полулеток, но и в таком виде должно было показать, кто находится рядом с ложем.

Никого возле Света и в помине не было. Родной Талант утверждал сие со всей определенностью.

Однако не менее родные уши соглашаться с Талантом на отрез отказывались.

– Ой вы, дева, дева гордая!

Вы почто ни с кем не знаете?

Так это же песня, вспомнил вдруг Свет. Самая что ни на есть обыкновенная песня, про красу-недотрогу, век не замечавшую поющего, да так и оставшуюся в пожизненных невестах.

От своих врагов я ее век не слыхивал! А вот от мамы...

Голос был женский, точнее даже – девичий. Но Зрение по-прежнему утверждало, будто рядом нет ни души.

Свет сотворил знакомое заклинание еще раз. Теперь оно вышло привычным – стройным, смачным и мощным. Такое творение больше соответствовало Таланту чародея Смороды, чем давешнее несуразное дитя-полулеток. Такое творение способно обнаружить ауру почти всякого, кто скрывается за ближними стенами или за дверью. Например, стражников, с их извечной тревогой...

Стражников ни за стенами, ни за дверью не присутствовало. И вообще никого не присутствовало. Нигде.

Только Голос.

– Мимо идя походкой твердою,

Надо мною насмехаетесь...

Свет не шевелился.

Отсутствие ауры у поющей означало лишь одно: рядом была колдунья, которой захотелось предстать перед ним без ауры.

И она хорошо контролирует свой ментальный голос.

Такое открытие требовало обязательных и обстоятельных размышлений о том, куда его занесло.

Но поразмыслить Свету не позволили.

Скрипнула дверь, и раздался второй Голос:

– Как он, Ивушка? Не пришел в себя?

Свет чуть не подпрыгнул на своем ложе: это был вовсе не Голос.

Это был голос, и принадлежал он Забаве. Но Забавина аура тоже не проявилась. Именно поэтому Свет сумел сохранить неподвижность – его парализовал страх.

Дюжинных людей без аур не бывает. Разве лишь ауры нейтрализованы чьим-либо заклятьем. Но присутствия чужого Таланта в ментальной обстановке не ощущалось. И вообще ничего не ощущалось. Кроме звуков...

Впрочем, мы же уже решили, что тут присутствует ведьма, контролирующая свой ментальный образ. А коли так, что ей может помешать и о Забавиной ауре побеспокоиться? Вот токмо – зачем?

– Все по-прежнему, Забавушка. Не волнуйтесь... Бude он придет в чувство, я вас немедленно кликну. Ступайте отдыхайте!

Послышался знакомый Забавин вздох. Настолько родной, что Свет едва не выдал себя.

Но – сдержался. Индо дыхания не затаил.

– О Додола-заступница!.. Я сменю вас, Ивушка, через час.

– Хорошо-хорошо, ступайте.

Вновь скрипнула дверь.

В ментальной обстановке ничего не изменилось.

А потом Голос произнес:

– Открывайте глаза, сударь волшебник. Ведь вы уже пришли в себя.

– Откуда вы ведаете? – сказал Свет. Но послушался.

Ослепило его ненадолго. Потом глаза привыкли, и Свет поднял голову.

– Ведаю! – Девница смотрела на него внимательно и с участием. Как на больного...

– Что со мной?

– Вы хворы, сударь. А я вас лечу.

Свет огляделся.

Белый потолок, белые стены, белый пододеяльник на груди, белая скатерть на столе, белый халат на девице. Сплошное снежное поле да и только!

Похоже, он каким-то образом оказался в госпитале Колдовской Дружины... Однако с какой стати здесь находится

эта девица? Где госпитальные медбратья? Ведь сестер у нас не держат...

И что, в конце концов, со мной?! Неужели к чародею Смо-роде пришла-таки расплата за Талант?

– Вы ранены, сударь, но опасность уже миновала.

Свет перевел взгляд на медсестру.

Волосы цвета спелой пшеницы, большие карие глаза, белый халат оттопырен на персях.

Совсем молоденькая...

Кажись, где-то он ее уже видел.

В шуйце родилась легкая боль. А вслед за болью вернулась память. Вспышкой в мозгах.

Свет вскочил.

И тут же подрубленным деревом рухнул на кровать. У него была чужая голова, и тело явно отказывалось ей подчиняться.

Теплые ладони коснулись чела, прошлись по-над бровями, перебрались на виски.

По черепу побежали ласковые волны. И голова сразу стала своей.

– Что ж вы эдак-то, сударь? Вам еще надо лежать. У вас была такая рана, какие токмо после собак остаются. Я еле справилась!..

Свет благодарно улыбнулся обладательнице теплых ладоней:

– Спасибо, сударыня!.. Где я? – И тут же испугался своей

улыбки.

Однако сударыня несвойственной любому чародею мимики аж не заметила.

– В обители Ордена дочерей Додолы.

– У додолок?! – Свет присвистнул. – Как я сюда попал?

– Вас привезла к нам ваша служанка Забава. Вы были без памяти.

«Так, – подумал Свет, – кое-что становится ясным. В частности ясным становится то, что наложить заклятье на саму Забаву я не успел. А потому она все помнит!...»

– Простите, сударыня...

– Меня величают Ива.

– Простите, Ива... Какой ныне день?

– Шестерница, девятый день вересня.

– Шестерница?! – Свет снова присвистнул. – Вы не могли бы позвать Забаву?

– Да, сударь... Кстати, вам след теперь поесть. Будете пшеничную кашу на молоке?

– Буду! Но сначала мне нужна моя служанка!

– Хорошо, сударь. Сейчас я ее позову.

Девушка вышла за дверь.

Забаву ворвалась к нему через несколько минут, которые показались Свету бесконечностью.

– Люба мой, вы очнулись! Хвала Сварожичам! О Додола-заступница, как же я боялась за вас!

Она целовала его. Безудержно смеялась. И тут же полива-

ла слезами зацелованное лицо. Она казалась слегка тронувшейся от радости.

Но раненую шуйцу не задела ни разу.

Наконец Свет не выдержал:

– Простите, любя моя!.. Я очень рад вас видеть, но мне бы хотелось знать, как мы тут оказались.

Забава перестала целоваться и плакать. И даже не помрачнела челом – видно, происшедшее ее кое-чему научило. Вздохнула, собираясь с мыслями.

А Свет наложил на двери охранное заклятье.

* * *

Едва Забава закончила рассказ о событиях ночи с середины на четверницу, Свет спросил:

– И за прошедшее время здесь не появлялись посторонние?

Забава пожала раменами:

– Бude и появлялись, то я их не видела.

Свет задумался.

Ситуация представлялась ему странной.

С вечера середины идет третий день, а до него еще не добрались... Чудно! Ведь не может быть такого, чтобы Кудесник не попытлся разыскать вышедшего из повиновения чародея. Разве лишь Остромир застрелился той ночью... С перепугу, что простой чародей оказался сильнее его.

Все может быть! После случившегося можно поверить во что угодно...

– Краса моя! Вы ничего не слышали о Кудеснике? Жив он?

Забава на мгновение задумалась:

– Кудесник – это старикан, у которого меня держали?

– Он самый.

Она снова пожала раменами:

– Н-не знаю... – И тут же испугалась: – А почему ему след быть мертвым? Вы ведь не убили его! Токмо положили ему пистолет на стол. Или вы сделали это, чтобы он убил себя?

Ладно, подумал Свет, с Остромиром мы разберемся чуть позже. А сейчас самое время обезопасить Забаву.

Он сел на кровати, коснулся ладонью Забавино чела.

– Забудьте все, что произошло. В ту ночь вы спали дома. Я вас привез туда и уехал неведомо куда. А вы в обитель приехали уже утром в четверницу. Я пропал из дома, и вы испугались и решили спрятаться. – Свет сотворил заклинание.

– Да как же я могу забыть такое? – сказала Забава. – Я столь перебоюсь за вас, индо вспоминать жутко.

Свет оторопел.

Сейчас перед ним должна стоять послушная кукла, впитывающая каждое его слово, но...

– Не волнуйтесь, Светушко! Я ввек никому ничего не скажу, буде начнут спрашивать всякие Кудесники!

Скрипнула дверь.

Свет обернулся так стремительно, что Забава отшатнулась.

Но это был не Кудесник.

На пороге появилась давешняя медсестра Ива с подносом, закрытым белым полотенцем.

– А вот и каша, сударь. Вам надо немедленно поесть! Иначе я не позволю вам разговаривать с Забавой. – Ива поставила поднос на стол. – Давайте, Забавушка, кормить вашего хозяина.

Ощущение нагрянувшей беды было столь мучительным, что Свет не выдержал и застонал.

Забава тут же всполошилась:

– Что с вами, сударь? Вам больно?

Через мгновение, поставив поднос на стол, к ней присоединилась и медсестра.

Успокоились они лишь после того, как Ива наложила больному теплые ладони на чело и убедилась, что его здоровью ничто не угрожает.

* * *

Потрясение прошло прежде, чем Свет закончил проверку. В конце концов, долго ли будет сокрушаться волшебник, убедившись, что потерял Талант?.. Это ведь становится понятным после первых трех-пяти неудачных заклятий, а дальше... Своего рода агония...

И тем не менее, впихав в себя кашу с молоком и попросив девчонок оставить его в одиночестве, Свет проверил заклать всех уровней.

Не работало ни одно. Не был доступен не то что четвертый уровень волшебных манипуляций, но индо первый. Самые примитивные... Семарглова Сила исчезла напрочь.

Это был конец. Всему. Навсегда.

Однако потрясение прошло, и мозг заработал.

Пропажа Таланта у колдуна происходит по двум причинам.

Либо совместным трудом членов Контрольной комиссии, либо после того, как волшебника заберет в свои лапы угнетаемый сексуальный дух.

Но первая причина чародея Смороды сейчас не касается. Не напускали на него Контрольную комиссию.

А вот вторая...

По теории – вроде бы самое время.

Одна беда: при испытании Додолой исчезновение Таланта происходит в тот самый момент, когда вы предаетесь акту любви. Чародей же Сморода стал любодеем вовсе не секунду назад и по теории должен был лишиться Семаргловой Силы несколько раньше. Впрочем, после событий последнего лета он давно уже начал сомневаться в истинности существующей теории волшебства. Все, что с ним происходило, происходило вопреки теории, а не согласно оной. Так почему же она должна оказаться правильной ныне? Более того,

он просто уверен...

Тут Свет оборвал себя.

Ни в чем он не уверен! Стоит ли себя обманывать? Коли с ним происходило невозможное, почему процесс потери Семаргловой Силы не может оказаться несиюминутным явлением, а растянуться на часы, дни, недели?

Своего рода обратное ступенчатое заклинание...

Но верить в подобное не хотелось. И, наверное, именно поэтому к нему пришла еще одна мысль.

За последние сутки своей активной жизни он овладел таким количеством неизвестных Колдовской Дружине волшебных манипуляций – индо оторопь берет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.